

РЕДАКЦИЯ И КОЛТОРА:

МОСКВА, СТАРАЯ ПЛОЩАДЬ, д. 10-4.
Тел. 1-89-13 и 1-81-01.

ОТДЕЛЕНИЯ: 3 Архангельске, Екатеринбург, Ново-Николаевске и Воронежске.

Рукописи принимаются написанные на машинке или четко от руки на одной стороне листа.

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ
ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

ОРГАН ЦК РЛКСМ и МК РЛКСМ

ИЗД. „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

1-й АБОНЕМЕНТ: на 3 месяца 1 р. 35 к.
2-й АБОНЕМЕНТ: на 3 месяца 2 р. 40 к.
3-й АБОНЕМЕНТ: на 3 месяца 3 р. 40 к.
4-й АБОНЕМЕНТ: на 3 месяца 2 р. 25 к.
5-й АБОНЕМЕНТ: на 3 месяца 3 р. 25 к.
6-й АБОНЕМЕНТ: на 3 месяца 4 р. — к.

№ 15

10 ОКТЯБРЯ

1924 г.

БОРЬБА ЗА УРОЖАЙ.

А. ШОХИН.

ПЕРЕД НАШЕЙ страной, перед всем рабоче-крестьянским Союзом стоят две основные задачи: поднять урожай и поднять производительность труда рабочих в промышленности.

Каждые, что это две задачи. На самом деле, это одна общая задача города и деревни, во что бы ни стало сделать страну богаче, могущественнее, дабы на материальной благополучии страны строить социализм.

Для ясности и большей убедительности приходится распределить выполнение этой основной задачи на город и деревню.

Рабочая и крестьянская молодежь не может пройти мимо основного, животрепещущего вопроса, захватывающего за живое все государство.

Рабочая и крестьянская молодежь, на которую выпадает счастье строить новое общество, в выполнении этой основной задачи должна быть на передовом посту. Она это доказала, докажет еще раз в дальнейшем.

Вот теперь Комсомол проводит „Праздник или День Урожая“ по всему Союзу Советских Республик.

Что это такое?

Это одно из звеньев общей цепи, направленной к тому, чтобы поднять страну, сделать ее более богатой, более культурной.

Страна наша рабоче-крестьянская. Город с промышленным пролетариатом с одной стороны, крестьянином, мелким собственником — с другой стороны. С одной стороны (в городе) развитая промышленность, техника, хорошо организованный рабочий класс, а с другой стороны — нищенский урожай, в среднем 35-40 пудов с десятины. С одной стороны, в городе прогресс техники, а с другой — те же способы обработки земли, какие применялись 200-300 лет тому назад.

Удвоить урожай не такое уж трудное дело, надо только взяться за землю всерьез.

Двигаться вперед к социализму можно только рабочему классу и крестьянству вместе. Только идя нога в ногу, сообща, можно прийти к социализму. Города нельзя забегать вперед от деревни, Городу (пролетариату) будет погребель, если он забудет о крестьянине...

Нерушимый на век союз рабочих и крестьян есть основа строительства социализма. И задача рабочего класса заключается именно в том, чтобы он в

целом поднимал вперед крестьянина. Рабочий класс сильнее, сплоченнее крестьянства, культурнее его. И рабочему классу надо не опускаться до уровня крестьянина, а поднимать его до своего, поднимать свой уровень и подтягивать крепко и прочно к своему уровню и крестьянство.

Не случайно, что почти к „Празднику Урожая“ положил Комсомол. Молодежь деревни больше, чем кто-либо чувствует, что дальше так жить нельзя.

Что 35-40 пудов с десятины урожая — это тупик для деревенской молодежи.

Молодежь деревни тянется к выходу из тупика, она идет в Комсомол, требует ответа на вопрос:

„Укажи, как лучше жить, как лучше организовать свой труд?“

Комсомол указал выход. Он взялся за учебу крестьянской молодежи, связывая эту учебу с практической работой по строительству новой деревни.

Надо признать, мало это сделано.

„Праздник Урожая“ — только второй год проводится Комсомолом. Прошлогодний День захватил, главным образом, только деревенские ячейки Комсомола.

Слабы еще до сих пор в деревне комсомольские организации.

Город — фабричная молодежь еще недостаточно поняла важность приложения своих сил к работе в деревне.

А в этом основная сейчас „изюминка“. Надо, чтобы все масса рабочей молодежи городов и промышленных районов прогнали свои руки в деревне.

Надо, чтобы каждая фабричная ячейка Ленинской молодежи действительно помогла деревенской молодежи.

Этой помощи сейчас мало. Ее надо усилить. И второй праздник Урожая, вернее не праздник, а день борьбы за урожай, должен быть и днем фабрично-заводской молодежи.

В этот день больше, чем когда-либо, надо подсчитать, что сделала каждая ячейка для деревни. Когда увидит, что сделано мало, — отметить план помощи деревне.

Помощь эта должна пойти организованно. Она должна выражаться в содействии деревенской ячейке при выполнении Ленинских заветов.

А основной Ленинский завет для нас вот:

„И нужно, чтобы Коммунистический Союз Молодежи все задачи своего учения ставил так,

чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе, молодежь практически решала ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую.

И по мере того, как это будет происходить в каждой деревне, успех коммунистического строительства будет все более обеспечен.

Комсомол должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу“.

(Из речи Ленина на 3-м съезде РКСМ).

Молодая деревня выступает в бой за новый богатый урожай.

Она не мирится с настоящим, нищенским урожаем.

Город в этом основном вопросе должен жениться деревне.

Как?

По разуму, всяко, что под силу фабричным работам.

Пускай эта помощь и поддержка будет маленькой, незначительной, но она все же принесет свои плоды. Помощь советом, помощь литературой, помощь газетой, помощь простым товарищеским письмом, помощь живым человеком.

Крестьянская молодежь стихийно тянется к сельско-хозяйственным знаниям.

При ячейках Комсомола растут сельско-хозяйственные кружки, организуются в деревнях школы Крестьянской Молодежи. Но это капля в море, это все в малом еще количестве.

День Урожая должен поставить перед каждой ячейкой Комсомола вопрос, что она сделала для деревни.

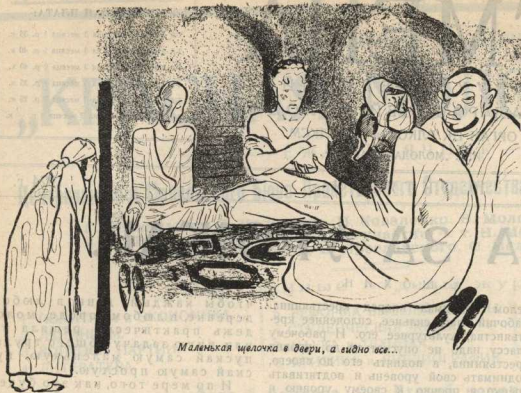
Засучив рукава, возьмется фабричная молодежь в День Урожая за местные дела.

Производительность труда — борьба за повышение ее, это тоже борьба за урожай. Чем дешевле выйдет трактор, плуг, коса, аршин ситца, — все, что необходимо для деревни, тем прочнее будет связь города с деревней, тем быстрее пойдет поднятие культурного уровня страны.

Рабочая молодежь города и молодая подрастающая деревня возьмется за одно и то же дело с двух концов, с двух сторон.

Так нужно, так требует жизнь.

Победим и тут!

Маленькая щелочка в двери, а видно все...

КУМРИ.

Рассказ С. ЧУЙКОВА. Иллюстрации АВТОРА.

I.

У МАЛЕНЬКОЙ КУМРИ глаза больше и сама она красавица. Она всегда была самой веселой девушкой. Но теперь ей уже 15 лет и она — жена. А жене, известно, не от чего быть веселой. Поэтому никто не удивлялся и не жалел о том, что не слышно стало звонкого (звонче, чем журчанье арыка!) смеха Кумри.

И каждый день, как только отец и муж Кумри уходили в свои давки, она садилась в тени двора вышивать тюби-тейки. И каждый раз она клала голову на колени и плакала.

Отец, Усман-Али, очень грамотный человек и знает по-русски. Семнадцатилетнего сына Кочкура записал в комсомола.

— Это ничего. Это хорошо. От русских большое уважение. А для него, в случае чего, вот камча¹⁾. Он у меня коран знает...

— С русскими дружи... и науки учи, и политику... чтобы не хуже других... а дома... помни свое место.

Так говорил Усман-Али своим близким знакомым и степенно проводил рукой по чисто подбритой, словно вычеканенной, серебряной бороде.

А муж у Кумри, правда, молодой. Ему только 25 лет. И он большой, как чер-блюд, и такой же тяжелый. И борода у него растет так, что нужно каждый день брить. У него уже было две жены, но обе они умерли в первый же год. Он курит анашу²⁾ и всегда молчит. Даже, когда его спрашивают о чем-нибудь, то он отвечает: «А» и опять молчит. А ночью мучает маленькую Кумри до самого утра.

ЕСЛИ БЫ все было другое...

А то такой же жаркий день висит на пыльных тополях; так же ветер горячий пахнет дынями и клевером; та же кривая дорожка к арыку, и плещутся в арыке те же друзья... Только все это видно через черную сетку... И нельзя Кумри бросить ее и играть вместе с Сулейхан и Асылхан...

Какие они счастливые...

Прошла Кумри мимо них, а они и не смотрят. Почему они знают, что именно под этим халатом идет их вчерашняя подружка?

Кто знает, может быть Кумри опять заплакала. Под чадрой³⁾ не видно... Что она споткнулась два раза подряд, это — да.

СО ДВОРА только что унесли плов и им еще жирно и вкусно пахнет весь синий от дыма вечер. Из всех дворов подымается такой же лилово-синий пахучий дым... Где-то далеко жалобно плачет свизига (флейта).

На мужской половине гость Кочкур привел комсомольца.

И, хотя говорят там по-мусульмански, а слышит Кумри, что гость — русский (редко русские говорят по-мусульмански так, что не отличишь).

— Вот и Чакназа, — извоулась Кумри, — оде анаша, там и он...

И слышит Кумри, что сегодня на мужской половине говорят не о ценах и не о товарах, а совсем, совсем о другом... Никогда еще на мужской половине не говорили об этом...

Маленькая щелочка в двери, а видно все: на темно-красном узорчатом ковре, вокруг подноса с остатками плова, сидят, подогнув под себя ноги, все: и степенный отец с благородной чеканенной бородой, в белом халате и такой же чалме и поаусонный муж Чакназа, и брат Кочкур, и гость — молодой парень с совсем белыми волосами, розовым лицом и серыми, насмешливыми глазами. У него открыта загорлая, с двумя двигающимися буграми, грудь, и рукава вышитые розовой рубашки засучены. Он говорит так, как будто очень уважает хозяина, но все-таки не может со всем согласиться (видно, что знает мусульманские обычаи), но Кумри чувствует, что он притворяется и сам себе смеется.

Говорит гость по-мусульмански:

— Ты вот жени, грамотный человек. Сын у тебя — комсомолец... Выходит, ты — сознательный гражданин...

А отец отвечает по-русски, кивая головой:

— Да... канечна... я сознательный...

— А вот жены и дочери твои ходят под чадрой, и ты прятнешь их от чужих мужчин... Как по-твоemu, хорошо это?

— А а... эта не хороший... эта не хороший... — соглашается Усман-Али, глядя на кончик своей бороды (и Кумри видит, что он злится, но не показывает вида).

— «Не хорошо», говоришь... А почему же мы вот сидим тут, кушаем плов, беседуем, а их нету здесь... Ведь они такие же люди. Правда?

— Э... закон... мусульмански закон... — приподнял обе ладони Усман-Али и по-мусульмански: — Как я могу против закона идти? Все мусульмане будут плевать на мою голову... Как жить будут? — опять по-русски — канечна, русский закон харашо, мусульмански закон не харашо...

Совсем большие глаза стали у Кумри. И блещат. И не мигают. Тот раскрылся, и маленький смугло-желтый пальчик на губку. Смотрит.

¹⁾ Арык — канал.

²⁾ Камча — нагайка, палка.

³⁾ Озуржающее вещество, нечто вроде опиума.

³⁾ Чадра — сетка, закрывающая лица замужних женщин.

Мальчик с косичкой на круглой, стриженной голове подпол на подносе мелко изрезанную дыню.

Комсомолец — гость не унимается. Облизав сокот, ест дыню и говорит: — Ну вот, сейчас посторонних нет, никто не узнает и Усман-Али-ага может повести нас в женскую половину...

Наклонил набок голову Усман-Али, не спеша съел ломот дыни и, приподнив плечи, говорит:

— Мне здесь нету, тебе пойда (подъез) нету... Зачим?

— Так... познакомимся, посмотрим... прожевав дыню и вытирая губы рукой, возвращает гость.

Усман-Али, подняв брови, глядит на желтую корку дыни.

Вдруг Чакиза вскочил на ноги. Стиснув кулаки, он угрожающе свернул глазами и неслышанно тонким и сильным голосом взвизнул:

— Мой жепа!

И, тяжело шагнув через поднос, вывалился в дверь.

Кумри не убежала. Она стояла неподвижно перед мужем, опустив глаза.

Увидев жену у двери, Чакиза стал пораженным. Потом он молча схватил ее за руку так, что Кумри показалось — лопнула кожа, и втолкнул ее в свою комнату. Но Кумри не закричала и не заплакала. Она молчала так же, как Чакиза (и этим она забесила его еще больше).

Не плакала она и тогда, когда Чакиза своими звериными ласками мучил ее...

Со сжатыми губами и широко раскрытыми черными глазами она думала о том, что видела и слышала.

Хороший розовый человек!.. Добрый розовый человек!.. Веселый розовый человек!..

II.

РОЗОВАЯ ГЛИНА саклей и дувалов (заборов) плавилась в зное и текла по кривым и узким переулочкам.

И воздух струился и искрился, как расплавленная красная медь (тоже розовый и горячий). Жарко.

Только там, где в кривых и узких улочках чай-ханы и лавочки, земля смочена и чисто выметена и там снопы пахучего клевера и горя ароматных дынь — там прохладно.

Запало внашея.

— Вон и Чакиза, — испугалась Кумри... где-а онаша, там и он... Вечером опять ругать будет, что мало тубюекте синала. А сам сидит в чай-хана целый день... Почему так?... Хоть бы не узнал...

Где там узнает? повернул Чакиза почерневшее и бессмысленное от нашей дыни лицо с пьяными глазами в коричневых кругах и, сморщившись, затянулся из чилима.

Трудно дышать от жары под халатом, голова кружится, и ноги некрепко шагают, и маленькие смугло-желтые ручки покрываются холодным потом.

В новый город послали Кумри, к русскому доктору.

Нескорош Кумри (жены отца говорят, что оттого, что она маленькая, а муж у ней очень большой).

Надо идти к доктору. Только нужно, чтобы Чакиза не знал, а то быть будет... Нельзя мусульманским жёнам показываться чужим мужчинам. Почему это так?..

Ох, как болит спина!..

У лавочки две русские девушки покупали виноград. У них веселые яркие розовые лица и загорелые крепкие шеи, руки и ноги открыты. Они зноют (как верхняя мусульманские слова) торгуются и, глядя друг на друга, громко хохочут.

Кумри вздохнула. И когда пошла, она думала о них и почему-то решила (наверное, потому, что девушки были розовые и звонко смеялись):

— Камсамол...

Так по-русски и сказала. (Она знала три слова по-русски: одно еще давно, в детстве узнала — «израсти», и два недавно от брата: — «камсамол» и «Ленин»). Она не знала, что такой Ленин, но с этим словом ей представлялось что-то веселое, теплое яркое, светлое и почему-то ослепительное.

— Хорошо им...

А В НОВОМ ГОРОДЕ улицы двигались и махали красными рукавами. Гремела музыка и с красными знаменами ходили люди и громко пели.

Тогда Кумри вспомнила, что в старом городе висели флаги и бегали автомобили и решила, что сегодня праздник.

— Эя... камсамол...

А раз праздник, значит все равно к доктору не поуст. И Кумри пошла по улице со всеми.

И девушки шли вместе с ребятами, все завязавшись под руки, и все пели.

«Счастливые какие»...

Но у тут вдруг Кумри увидела в толпе знакомое лицо и вздрогнула... Это был тот самый комсомолец, что приходил к ней.

И ей страшно захотелось подойти к нему, открыть лицо, чтобы он мог видеть ее радость, и что-нибудь сказать ему... нет, чтобы он сказал что-нибудь, потому что, когда он говорит, то радость приходит.

Но у ней сильно билось сердце и захватывало дыхание, и она не смела подойти. Она смотрела, как он смеялся и пел, и он казался ей совсем знакомым и даже... как-будто родным...

Почему это?

Когда же остановились и стали слушать, как говорил высокий, с рыжей бородой человек, и все стало тихо, Кумри понемного протискалась вперед и стала сзади него.

Наконец, она решилась. Выступила из-под халата свою тонкую, бледную руку и тихо-тихо дотронулась горячим пальцем до его руки.

— Эя... камсамол...

Он обернулся.

— Израсти...

— Здравствуй! — удивленно посмотрел он на черную сетку, скрывающую лицо Кумри и по-мусульмански спросил:

— А ты разве знаешь меня?

— Знаю... Кочкор, мой брат...

— А-а... — улыбуился «камсамол» — Ку... Ку...

— Кумри...

— Да, да, да, Кумри, Кумри... Мне Кочкор говорил, что у него есть сестра... Ну, что, весело тебе здесь?

— Хорошо здесь, только... я не понимаю...

— А хочешь тебе «понять»?

— Да... да...

— Так... хорошо... Ты что, недавно замуж вышла?

— Да...

— Ну, что, хорошо замужем?

Кумри замолчала. Она посмотрела — не смеется ли он и, увидев участие в его открытых глазах, дрогнувшим голосом сказала:

— Нет... не хорошо...

Тут голова у ней качнулась вниз, острые локви дернулись вверх, и она тихо-тихо всхлинула.

В это время вдруг грянул оркестр, испугав Кумри. Все закричали «ура» и замаяли шапками.

— Ты плачешь? — спросил и положил ей руку на плечо комсомолец. — Отчего ты плачешь?. Скажи мне.

Его руку сейчас же схватили цепкие, горячие пальцы Кумри.

— Не могу я... говорить с человеком... когда он... не видит меня...

— А ты откройся...

Кумри испуганно оглянулась.

— Нельзя... увидят...

Кругом запели. Кто-то крикнул:

— Калач! Или подтягивай!

Но «Калач» махнул рукой, оглянулся и наклонился к Кумри:

— Близко ни одного мусульманина нету... не б'йся...

Тогда она взяла край чадры и чуть-чуть приподняла ее.

Калачев дрогнул:

Перед ним было бледное, хорошенькое детское личико и на него снизу вверх смотрели два глаза Кумри, два черных блестящих слезами глаза с мокрыми, длинными ресницами, два глаза, переполненные тоской и страданием...

— Ре... ребенок! — вскрикнул Калачев.

— Нима? (что).

Калачев смутился и растерянно схватил ее за руку.

— Ничего, ничего...

Большое человеческое горе увидел он в детских глазах Кумри. Нестерпимую жажду радости и робкую просьбу участия и ласки увидел он в ее глазах и не знал, что ему делать...

СЛУЧАЙ С УТКОНОСОМ.

ИППОЛИТ И КИН. Иллюстрация Г. БЕРШАДСКОГО.

НА УГЛУ АНДРЕЙ снова обернулся: да, никаких сомнений, за ним следжа.

Офицер, два корейца и гороховое пальто были единственными прохожими. Пальто стояло спиной к Андрею и с живым вниманием рассматривало витрину аптекарского магазина. И, по его небрежности, по усилению интересу, уделяемому различным клизмам, судам и пилсуарам,—Андрей узнавал врага.

Андрей почувствовал, как отжеледели летучки, разложенные во всех карманах, на груди, в сапогах, как вспотела и противно прилипла к телу рубашка, как из головы разом вылетели все мысли.

— Но затмение продолжалось секунду.

— Летучки должны быть доставлены,—сказал товарищ Петрович, передавая их.

«Должны, значит должны и никаких гвоздей. Надо вывернуться» и, круто повернув, Андрей двинулся вниз на встречу незнакомцу. Тот широко раскрыл глаза, но услышал лишь вежливое «извините, пожалуйста» и, прежде чем успел осмыслить дело, высокий, худощавый юноша прошел далеко вперед и свернул за угол, на людную Китайскую.

Пачка на груди разбухла от пота и упорно сползала вниз. Прижимая ее локтем, Андрей замешался в толпу и обдумывал положение.

— Положение пиковое. К восьми надо летучки сдать, но без двугоного прилонения из охранного отделения. — Где, кстати, эта гадина? — Остановился у Афин, огляделся — гадина не видно. Неужели отстал?

Здесь Андрей протер глаза свободной рукой и убедительно наступила на ногу проходившей де-вушке.

Громко — «ах, извиняюсь!»

Тихо — «за мной!»

Нинка работает в Осведотделе, ходит гулять с офицером и по штату обязана хорошо одеваться: чулки шелковые, ажурные, выше колен, под глазом, на розовой щеке, мушка. Нинка—аристократка: на расклевку не ходит, черной работы не ведет, избегая провалить связь. Комсомольцы, стесненные дисциплиной, вынуждены только издали на Нинку поглядывать.

Андрей длинный, худой, впереди вышаживает журавлем, за ним Нинка рассыпает по тротуару дробь французскими каблуками.

Дошли до садика. Андрей галантно усадил Нинку на скамейку и стал рассказывать свои злоключения:

— Нагрузили меня до отказа. Когда я вышел от Веры, я был похож на ходячий киоск: бумага на груди, на животе, в сапогах.

— Спешил, и разорвала меня легкая сестра в травяй. Больше я этого никогда не сделаю!

— Только я сел, подсаживается ко мне некто с утиним носом, в гороховом пальто и развертывает газету. А в газете у него дыра и он больше не в газету, а на меня через дыру смотрит. Что делать? Однако, решил проверить.

— Едем дальше. Я уже свою остановку проехал, проехал следующую, проехал третью: — увидим, думаю, кто кого пересидит. Утконос сидит невозмутимо и делает вид, что он дьявольски заинтересован передовицей.

— Ну, я слез. Иду. Утконос за мной. Я направо — он направо. Я налево — он налево. Ах ты, думаю, шкура, — я же тебя помотаю. Со скачушим видом я отправился ходить по всему Владивостоку, влача за собой гороховое пальто, пока совсем не выбился из сил. Зато и гада измотал вздрезбги: от него пар пошел. На Нагорной он иссяк, пристал отдохнуть в витрине. А я, тем временем, хожу — и сюда.

— Из этого ты можешь почерпнуть мораль, — надо только не теряться, не впадать в панику. От шпика всегда можно отделаться, если действуйешь умеючи.

— Так, — сказала Нинка, задумчиво глядя в сторону. — А какой он из себя, у него такой длинный нос?

— Ну да. Я и говорю: — утконос.

— И тройка зеленая?

— Угу...

— И стэк в руке?

— Ну, ну. Вот этот самый. Ты что, знаешь, что ли его?

— Обезьяна ты, Андрей, близорукая. Обернись!..

У затора, облокотившись на решетку, стоял утконос, аккуратно очинная ножичком яблоко и внимательно глядялся в беседничком.

II.

ДВОЕ ПРОИЗВОДИЛИ на вест человека.

Если читатель жлет описания родильного дома, счастливой улыбки матери, первого крика младенца,—он ошибается. «Производимый» человек, в числе примет, имеет уже бороду, усы и 23 года от роду. Все это было достигнуто без затрат на воспитание и образование,—с помощью хлора и лимона.

Лев опускает в тарелку с хлором старый паспорт и стирает из числа живущих девицу Парамонову 45 лет (лицо белое, нос прямой, особым примет нет). Лимон окончательно уничтожает следы чернил. Чистый паспорт переходит к Дене, которая его сушит и вписывает Пре-

чистенского Н. П., 23 лет, усы, бороду и прочее.

В другом углу над шахматной доской Дмитрий строит кошку белой королеве.

В комнате душно и накурено. Из открытого окна доносился слабый запах сирени.

Люди молча делали дело. Глубоко, глубоко, под полом демократической контрреволюции, Лев покупал, крап и фабриковал паспорта, нося в груди чухотку и веру в революцию.

Дени делала двенадцатый год своей жизни между конспиративной квартирой, таежной чащей и мокрым подвалом лавочки. Другие—Петьки, Мишки, Маруси,—широко раскрывали глаза под мятым козырьком кепки перед немим взглядом двенадцати дум и молча падали, хватая воздух посиневшими губами.

Петьки, Маруси... Обыкновенные, как миллионы... В свободное время, шли в бухте плескаться загорелыми телами в зеленоватой воде... зовить «краво»... в кино,—халдно следить за трюками Гарри Пилы и хотовать над ужимками Чарли Чаплина. Вечером,—на скамейке млеет под луной и соблазняет прохожих звонкими поцелуями.

Обыкновенные, как миллионы... И звали их просто,—не герои, не мученики, а

— Комсомолец.

— Коммунист.

Рядом,—Валерий. Шаляга—черная пушистая, широкколая. Шеки вальное окошко губ—скоропаша складка. Глаза глубокие, ласковые, а в глазах—мировая скорбь, самоанализ и духовные запросы. Был нестрашим из слабого пола, но революционную чистоту бляды, ограивал робкий лепет хриплым баском:

— Вечная красота, — в идее... Крапоткин... Себастьян Фор...

А вечером, после душной комнаты, на Голубинке шел, прижимая руку к бюномусе сердцу («а вдруг — поймают»). Между рукой и сердцем—нейнннншая записка об уходе в Харбин Н. Н.

Первый паспорт был готов. Лев встал, устало потянулся и вынул часы (все, что осталось от отца: отец — в бухте, кормит рыб).

— Четверть девятого. Небывалая вещь. Слышите, ребята.

— Слышим. Через пять холод мат.

— Бросьте, вы. Тут дело поважнее. Девятый час, а Андрей все еще нет. Ты бы сходил посмотрел, Валерий.

Из зеленого жилета раздалось протестующее ворчанье.

— Беру коня!

— А, в самом деле, почему Андрея нет? Опоздывающий за ним не водится. А времени — двадцать девятого. Может быть, летучки не готовы? Ты, наверно, Левка, знаешь, что сегодня будут?

— Мне дядя Ваня говорил. Значит, наверно.

— Шах королю!

— Я позволю себе вас прервать, товарищи. — Лев махнул кепкой и шахматы загремели со столика. — Речь идет об Андрее. Похоже, что он засыпался...

В комнате разом стихло. Стало слышно, как тоненько жужжит запутавшаяся в паутине муха.

За стеной дребезжал рояль.

— Андрей очень аккуратный парень. Если он запаздывает на 20 минут, значит, что-то случилось, какое-нибудь несчастье.

Кто-то открыл дверь и явственно зазвучал пошленный вальс.

Из панирного дыма в раскрытой двери очертился фигура:

— Почему вы все здесь? И чего вы так орете? Ведь, на улице слышно. Это, пожалуйста, соблюдайте конспирацию...

Комната молчала.

— Что же вы молчите? — фигура шагнула вперед. — Я спрашиваю: почему вы сидите здесь и галдите, как в опере, когда вам давно надо быть на расклейке. Где Андрей?

Подошла Деня:

— Петрович, не волнуйся. Мы сами его ожидаем; вероятно, что-нибудь задержало.

— До сих пор задержало, — голос Петровича осекал. — Половина девятого. Товарищи, без паники. Мы выясним, почему нет Андрея. Расклейка сегодня отменяется. Расходитесь по двое, через пятиминутные промежутки. Половина выходит садом на другую улицу. Начальники десятков к четырем соберутся на Голубинке, получат информацию и задания. Деня и Левка — останьтесь здесь, мне надо кой-что сказать...

— Арестован Осипов по типографии, — продолжал он, когда комната опустела.

— Подробности пока неизвестны. Быть может, он выдает. Надо идти узнавать, что с Андреем. Деня, ты установи наблюдение за охранкой, а ты, Левка, останься здесь для связи. Я пойду посмотрю его по дороге. До завтра.

III.

АНДРЕЙ В ТРЕТИЙ РАЗ зашел в лавку железных и скобяных изделий купить, не торгуясь, третий фунт гвоздей.

Устал он ужасно. Два первых фунта, звеня, в карманах, доставляло ему насилие. Третий он нес в руках, выбирая место, куда бы его выбросить.

Чего хочет этот нелепый шпик? Выследить квартиру? — Андрей скорее скупит все гвозди, чем поведет за собой уткуоса.

— Арестовать на улице, — не посмеет. — Очевидно, дело пропавшее, — не будет же шпик ночевать с ним на улице. Все последующее он предвидел до мелочей: свисток, револьвер. В охранке, — летучки, гвозди и письмо Ильихова в стод к вещественным доказательствам

Андрея, — каблуками и прикладами, — в подвал.

— Говори!

— Не скажу.

— А-а...

Бритвой оцарапают горло.

— Не скажу-у.

Опять, — бритвой...

— Не скажу, — чуть не крикнул Андрей, сжимая каблуки.

На плечо опустилась рука.

Вырваться и убежать!

— Андрей!

— Петрович!

Андрей к Петровичу хриплым шопотом:

— Петрович, беги. За мной хвост: видишь, вон, гороховый, кувшиное рыло.

— Не мели глупостей. Говори, в чем дело.

Пока шел расказ, Петрович огляделся.

— Так вот, Петерь слушай мой план. Заходи в первую попавшуюся лавченку, а я пройду вперед и стану, как будто тебя поджидал. Несомненно, шпик устремится за мной и тоже будет ждать, пока ты присоединишься.

— Так вот. А ты не зевай: как он пройдет — выбираться назад, на Светланку, садись в автобус и вали к сестрам. Вот деньги.

— Там отдай летучки и жди. Понял? А за меня не беспокойся: с этим выслыном я справлюсь.

Живот телятника смягчил толчек...

Андрей не заставил просить себя дважды. Расчет Петровича оказался более, чем математически верен. Шпик доверчиво проследовал за Петровичем, доставив много удовольствия наблюдателю в окне Андрея. У угла шпик сделал стойку — перед ним Петрович, небрежно прислонившись к стене, изредка поглядывая в его сторону. Андрей не стал ждать и семимильными шагами, забыв про жару, про груз, не оглядываясь, помчался вниз. За поворотом минул зеленый огонь автобуса.

— Опоздало. Опять задержка.

Когда он добежал, автобус тронулся. Сзади висел толстяк, одной рукой ухватившись за поручни, размахивая в воздухе другой. За нее и уцепился Андрей. Но неудача не покидала его в этот день. Толстяк шлепнулся как раз, когда Андрей вскопич на подножку и, падая, увлек и его.

Живот незнакомца смягчил толчек, и Андрей с удовольствием воспользовался минутным физическим отдыхом на мягких, приятных округлостях. Тут же ему пришло в голову, как он подвергается опасности, в случае скандала.

Вскочив и льдом вскрикнув, Андрей бросился на толстяка. Обруши на него самые изысканные ругательства, он потребовал немедленного визита в милицию.

С трудом подынявшийся господин от изумления потерял дар речи. Изумился ли невиданной наглости, поверил ли и не — неизвестно; но счел за лучшее — скандала не поднимать.

Андрей, героем в глазах собравшейся толпы, вошел в автобус. Через четверть часа, разгуженный, потел за дунистым крепким чаем, в третий раз повторяя мильонидной хозяйке свою историю. Кончить ему не пришлось. На самом интересном месте его прервал приход Петровича.

— Вот, — сорвался с места Андрей, — его расспросите. Он меня выручил. Да как же ты так скоро отделился, старина?

— Товарищ Петрович, расскажите, — присоедилилась хозяйка.

— Пустяки. Рассказывать нечего. Удивительно, как ты, Андрей, старый инспектор, такого щенка провести не сумел.

— Так вот, когда я его перенял от тебя, то выдерживал на Китайской, пока он не почувствовал себя плохо: стал нервничать, оглядываться, словом, стал догадываться, что его провели. Так вот, я тогда оборачиваюсь и мимо него наверх. Бедняга даже растерялся от неожиданности; подумал, подумал и нерешительно побрел за мной. Завел я его в проулок потемней, подпустил ближе, потом стал в воротах и так это выразительно опустил руку в карман.

— Так вот. Естественно, шпик предположил очень недоброе намерение, предло револьвер в кармане. Ведь, не зря человек в позу становится... К тому же коммунисты, они отчаянные... Вы знаете, Вера, какой-то писатель говорил, что от женщин надо всегда ждать неожиданных поступков. Охранка того же ждет от коммунистов... Так вот...

— Коротко говоря, повернулся я от немного, поежился, поджал хвост и побитой собакой убрался. А я, как не трудно заметить, отправился к вам.

— Верочка, будьте добры, найдите мне чашечку...

СТЕПАН

АЛЕКСАНДР ГАМБАРОВ

... а генерал ухмыляется, за верную службу благодарить начал...

(Продолжение *)

СКОРО НАДО было ехать в Москву. В Петербурге нельзя, — в Петербурге он связан — по Союзу работа затихла давно, а в «Народной Воле» Степан только агент простой человек для исполнения не больше, и Степан переезжает в Москву.

Думал в Москве вернуться Степан, дело наладит рабочее, но Москва не чета Петербургу, здесь рабочий другого покроя, в одиночку живет, про общее дело рабочее думает мало, все больше к терроризму склоняется, — видно корни глубоко пустили террористы московские, совратили рабочих с пути. Не тянуло рабочее дело в Москве. Тосковал по своим, по Петербургу. Тоска разгоралась. И захотелось Степану опять затеяться на фабрику, в рабочее дело зарыться, окунуться в Союзную жизнь.

Но в столице Степану нельзя, — зреет что-то большое в столице, незрелает удар по царю. И хочется верить Степану, что удар этот будет последним, от которого солдатуется Россия, к новой жизни пронесется. Долго верил Степан, и горела та вера, сильней разгоралась, хотя хныла и стала слабеть: стала мучить хвороба опять, появилась слабость, а с несною усилился кашель, мокроты пошли, — видно чихотка подкаслась к Степану.

Только раз днем весенним пронеслось по Москве, что убили царя в Петербурге. Встрепенулся Степан, не поверил сначала, хотя что-то большое со дня поднялось, к горлу подлезло, стало душить, но было все же легко, свободно дышалось, к своим бедам, свободно дышалось, к своим бедам. Но не знали свои, — слухи разные шли по Москве. Стали ждать известий со столицы.

Верным было одно, что царь был убит и убит наповал, — оторвало бомбой

ноги царю. Стали в Москве присагать другому царю.

— Значит, власть не в руках социалистов — уязвило Степана. А через неделю слухи пошли слухи печальней еще. За два дня до убийства царя захватили Желябова, потом Рысакова. Дальше слухи пошли все хуже и хуже: на Теляжной открыли квартиру, Гесю Гельфман забрали, а Саблин покончил с собой после целого часа стрельбы с полицейскими. Потом Софью Львовну Перовскую схватили на улице, вслед за нею попался Кибальчич, Фроленко, — видно было что свой выдавал всех полиции, но кто — оставалось загадкой.

Стало сердце жутко донимать. Вместо свободы — расправа пришла, но не сломился Степан, только сильнее в груди закипела обида. А когда известье дошло, что Желябов, Перовская, Кибальчич, Рысаков и Михайлов повешены — загорелся Степан, не мог места найти, все метался в мести сгорал.

— Надо мстить... царю новому тоже надо мстить, мстить порядку, все без разбора, всем, кто связан с царем: генералам, жандармам, прокурорам и всем, пока не ослабеи еше руки у нас.

Но мсть ослабела — не было мстителя. Из двадцати трех человек Комитета на свободе осталось лишь восемь, но и те не годились для мести: — мягкотелые только остались, без искры, без огня, точно слеплены из теста. И увидел Степан, что для дела людей уже нет, а дела так много, производил стал сильней разгораться, по всей России раскинулася, захватывая юг, север, восток, захватил запад. И Степан начал рваться к работе.

А когда из Одессы приехала Фигнер и рассказала всему комитету, что от царской расправы на юге стоном стонет земля и что в этой расправе самый главный палач генерал-прокурор, по фами-

лии Стрельников, для которого, кроме крови народной, ничего не осталось в утеху, что по тюрьмам гноит он людей и, как зверь, наслаждается жертвой, и как стонут все жертвы его, и вопли свои к террористам устремляет из тюрьмы, и много, еще много о Стрельникове Вера Фигнер Комитету сказала.

Долго слушал Степан, закипало сильнее в груди, видел сам, что для мести уже время настало. А когда был поставлен вопрос — как поступить, и Комитет порешил прикончить с мерзавцем, Степан вылезал сам. Уехала Фигнер в Одессу собирать материалы о Стрельникове. Стал ждать с нетерпением ответа Степан. А когда Фигнер прислала, что все справки у нее на руках, Степан быстро собрался и поехал в Одессу.

ПОДВИГ СТЕПАНОВ ПОСЛЕДНИЙ.

УЖЕ НОЧЬ спустился давно, но в вагоне еще темне стояла, не вносили свечей — сэкономили видно, а то просто краля огарки: доедут и так без огня, благо, все публика серая. А до Одессы верст тридцать пять — значит, не скоро. Душно в вагоне, накурено, адренной махоркой несет, несет потом и телом распаренным, хотя на дворе и мороз. Кто то дорогу ругает, неурядицы дорожные. Пассажиры в темноте суетятся, ругая свою укладывая стали. Только один пассажир неподвижен, что сидит все в углу, всю дорогу ни слова никому не сказал, только кашлял и кашлял надрывно.

— Что-ж это... С Новым годом! значит в вагоне... Должны в девять приехать, а приедом когда.

— Да видно, что «в этом году» не придем... и опять в вагоне везем. Стали вещи снимать. Кто-то кого-то сумдуком по затылку огрел — в темноте матерщина повисла. Долго ругались, гадали, стук колес заглушал, а поезд делал, ныряя в темноте, словно догнать убежавшее время хстел.

— Ты что-ж, молодец, все молчишь? В друзьях кто ли люби?

— Да, в друзьях...
— Ты едешь в Одессу. Кто там у тебя? Дядька родной, еду к нему на поезде, — подработать бы малость хотелось... много... Наим парень, лечит кашель грудной, — и пассажир стал про бабу рассказывать, про ее чудеса, про истон, траву, но Степан как будто не слышал, в голове мысль одна:

— Веру Фигнер надо сегодня сыскаать... Адрес есть, — гвоздем в голову, но застанет ли дома? — часа через два — Новый год, будут гости, чокаться будут, с Новым годом счастья сулить... может уйдет и она... И вдруг вспомнил:

— А она...
Живо представил того, из-за которого ехал — жирный, сыто-довольный, а кругом продажная челядь, все чиновники, умилень на лицах, бокалы в руках, «ура» генералу кричат, а генерал ухмыляется, за верную службу благодарить начал вех... Раздвинулись стены, исчез гене-

ХАЛТУРИН. ПОКРОВИТЕЛЬ

Иллюстрации А. ВАНЦИМАНА.

рал в яму табачном и сквозь серую дымку видит Степан товарищ, теперь за решеткой. Их не знает Степан, но все близко-родные, свободы борца, светлячки жизни могучей... Но какие все бедные товарищи эти... по койкам лежат, по застенкам тюремным... почти мертвецы,—думают остро, но в голове, в мыслях угасших шопот родной, как сон отдаленный,—С Новым годом, друзья! — С новым счастьем!...

Ближе к Одессе, скоро она. Последний пролет... Но вот и огни замелькали... пролетел вагон, застучали вагоны по рельсам, поезд тише пошел, еще тише и вдруг стал, стальным корпусом вздрогнул... Повалили к дверям пассажиры, пошел и Степан, — в руках узелок вещей—пара белья.

Замелькали огни, извозчики, крики, фоварей длинный ряд... широкая улица. Свернул в переулок Степан. Пошел колесить незнакомой дорогой. Только спросит кого и опять переулок вихляет. Наконец, вот и дом... все верно... адрес такой... позвонил... вышла старуха...

— Вам кого?
— Колосову Елену Ивановну... дома она?

— Узнаю сейчас... а вы кто?
— Скажите «механик»... Оглядела старуха, вздохнула дверь.
— Лишь бы соврать не соврала, да Фигнер про пароль не забыла,—подумал Степан...

Но дверь отворилась и чья то рука, толстая женская, за собой увлекла, повела коридором Степана. Вошли в комнату, шелкуша замок.

— Ну, теперь мы одни... Как я рада, что приехали вы... садитесь, Хал... м... то есть...

— Чувашкин, Сергей Капитонов... И Фигнер два раза про себя повторил, да по памяти хотела новое имя Степана...

— Что это за дом? Никто тут нас не подслушает?

— Абсолютно никто... все тут только свои. Тут живет Сведенцов, про него я вам говорила, в организации нашей работает... мы здесь в безопасности,—успокоила Фигнер.

Распросила пошла, что в Москве, в комитете. Рассказал все Степан и к делу сейчас, про Стрельникова повел разговор: в Одессе ли он, где живет, в каких учреждениях бывает, их адреса, часы, когда принимает по службе, где часто бывает, ходит куда, обедает где, место прогулок... Рассказала все Фигнер,—стало ясным Степану.

— Револьвером лучше... Когда можно начать...

— Сначала проверьте все мои сообщения, может, что и не так... Потом обсудим детали... у нас связи тут есть. А деньги Комитет передал?

— Только тридцать рублей на дорогу. Это скверно, но как-нибудь поладим и с этим,—и Фигнер украдкой на часик покосилась.

— Вы торопитесь... итн собираетесь?

— Степан осторожно спросил.

— Нет, но если хотите, то да... но только вместе пойдём, это тут же в этой

квартире. Кстати, Сведенцова узнаете... будите только свои... По правде сказать, новгородно встрече затаеяли... Пойдемте со мной, а не то я сюда его позову...

— Нет, после... с дороги устал... я прилягу. Степан лег, но тотчас же закашлялся.

Встрепенулась Фигнер, рукой мягкой коснулась лба, в лицо посмотрела пытливого.

— Да, у вас кашель неважный, Степан... как доктор, скажу...

— Знаю... Не надо... Идите, родная... и Степан тихо за руку взял и вдруг прижался руками к теплой руке. Наклонилась Фигнер и тихо, по женски, как мать, как сестра поцеловала Степана.

— За здоровье пейте свое...

— Нет, за ваше здоровье, Степан...

— За мое... мое—все равно дрянно.

— Ну, что вы... Вы нас переживаете еще.

— Все равно не обманете, я знаю—вы врач.

Фигнер ушла, дверь притворила. Степан остался один. И вдруг стало легко, точно не было кашля, чихотки, что вот уже три года как гложет Степана. Но нет, она здесь, за горло схватила, хотел переписать, но вырвался кашель и показалась кровь. Ухмыльнулся Степан, точно не кровью, а чернилами плюнул и спрятав платок.

«Как-нибудь на три месяца хватит Халтурина, лишь бы дело закончить успел, подумал Степан, как о ком-то другом, не о Степане». Лег на кушетку. Где-то утро двенадцать...

А на утро за дело: ознакомился с городом, а потом за генералом начал следить. Ходил по пятам как тень генерала, но тень хоть можно заметить, а Степана никто не приметил,—был опыт и снова Митроха и снова дурачком, как во дворец. Стал шпиков примечать, что за генералом следом слонялись, но у шпиков, видно, опыта меньше,—Степана не видят. Вспомнил про дни на приеме, но выглядела Вера Засулич—пристрелить в кабинете генерала, вид у Степана другой, просто к генералу не пустят.

За Стрельниковым две недели следил, приметил, на бульваре обедает он, а потом по бульвару гуляет с часок. Высмотрел все,—место как раз подхо-

дище. Создался план, Веру Фигнер в него поспевит, одобрила та. Комитет потараивалась стади, чтоб помощника теперь уже выслали. Начали жать.

Но вдруг генерал из Одессы исчез, перестал его видеть Степан, подумал, что тот захворал. Сказал Фигнер об этом. Стали справки наводить осторожно, узнали, что выехал Стрельников в Киев.

Как узнал про это Степан, разозлился, чуть не волосы рвал на себе за генералом следом податься хотел, поймай в Киеве и там пристрелит.

— Степан Николаевич, право не стоит так подноваться. В Киев поехал он, верно, к семье, пробудет недолго и снова вернется обратно. Тем более, что в Киеве вам будет труднее,—уговаривала Фигнер Степана.

Пришлось согласиться. Написали товарищам в Киев. Снова начали жать. А тут агент приехал из Москвы, какой-то Клименко. Объяснил все Клименке Степан, поделили обязанности между собой. Благо, Клименко в Одессе бывал,—знает город и генерала знает в лицо. Осталась за генералом одна оставовка.

В феврале генерал показался. Проверил Степан,—обедает там, по бульвару гуляет, значит, можно начать. Стали план обсуждать. Порешили, что убьют генерала на Приморском бульваре, после обеда, так часиков в 5, когда по бульвару он будет гулять. Стрелять будет один, а другой поджидать на извозчике, вместо кучера, чтоб скрыться скорей. Степан взял на себя самое трудное дело—убить генерала, а Клименке оставил извозничьи функции, но Клименко уверял.

— Ну, что ты, Степан, ты ведь слабый, а тут нужно бежать. Коль стрелять, так уж иди, а тебе в экипаже меня поджидать.

Не хотелось Степану упускать генерала, но вмещалась Фигнер, стала доказывать, что стрелять и вправду лучше Клименке. И опять про болезнь—пришлось согласиться Степану. Теперь деньги для дела понадобились, чтоб купить экипаж, купить лошадей, два револьвера и наряд для Степана—извозчийный. Но деньги—где же достать. Что-то мелит Москва, и тут Фигнер справилась с делом. Для через три недельных шестистот принесла, где-то достала—и отдала все деньги Степану.

(До следующего №—ра).

... исчез генерал, сквозь серую дымку видит Степан товарищ за решеткой...

ЗАДАЧИ ЛЕНИНСКОГО ВОСПИТАНИЯ.

ДОКЛАД ТОВ. КРУПСКОЙ НА ПЛЕНУМЕ ЦК РЛКСМ.

ЧЕРЕЗ ВСЕ РЕЧИ Владимира Ильича, через все его статьи проходит красной нитью ненависть ко всякому угнетению и ко всякой эксплуатации. Конечно, всякий скажет, что ленинец должен быть заражен этой ненавистью к эксплуатации, ненавистью к угнетению. Но здесь серьезный вопрос, как бороться с этим угнетением, как бороться с эксплуатацией?

Если мы посмотрим, как подходил к этому вопросу Владимир Ильич, мы увидим, что он не ограничивался тут общими фразами, а изучал тщательно все формы эксплуатации.

Нам, товарищи, надо помнить следующее. Хотя мы живем уже не при капиталистическом строе, а в строе, который представляет собой переход от капиталистического строя к социализму, нельзя думать, чтобы теперь уже не было эксплуатации и не было никакого угнетения. Но эта эксплуатация и угнетение приобрели новые формы.

И вот тут, товарищи, большая опасность, что ненависть, направленная против старых форм эксплуатации, уже не будет иметь предмета, потому что старые отжили, а новых форм эксплуатации и угнетения можно не заметить, если не смотреть, не уметь вглядываться в жизнь и видеть, что кругом делается. Это не так просто, как кажется; поэтому наблюдать надо с большой внимательностью те постоянные изменения, которые происходят в формах эксплуатации.

Вопрос очень сложный; чтобы уметь подойти к нему, надо быть вооруженным теорией. В Комсомоле существуют кружки по политграммоте, ленинизму, — это все есть, но по марксизму кружков, как-будто, нет. А если мы хотим понять ленинизм, то мы прежде всего должны вооружиться марксизмом. Он был (Владимир Ильич) учеником Маркса. Маркс дал представление о тех законах, на основании которых развивается чело-

веческое общество — эксплуатация и угнетение.

Не понимать этих законов — нельзя. Это необходимо, чтобы овладеть революционным движением и направить его в настоящее русло.

В прежнее время марксистами себя называли часто люди, которые считали, что достаточно прочесть Маркса и теоретически согласиться с его выводами, чтобы иметь право называть себя марксистами.

Но Владимир Ильич смотрел не так. Он приложил революционное учение Маркса к русской действительности, к той эпохе, в которой ему пришлось ра-

ботать и действовать. Это как раз была историческая эпоха, предшествовавшая мировой войне, и последующая за ней революционная была Владимиром Ильичем оценена на основании той марксистской теории, которой он владел в совершенстве. Но не в особенных личных свойствах Владимира Ильича заключалось то, что он внес сознательность в движение, помог российскому пролетариату победить капитализм в России, — это произошло оттого, что Владимир Ильич сумел воспользоваться этой революционной теорией.

Нам, товарищи, придется разрешать много трудных вопросов, которые перед нами поставят следующие годы. Если хотите, чтобы революционное движение шло по правильному пути, вам необходимо вооружиться этой революционной и марксистской теорией. Владимир Ильич на минуту не упускал из виду революционной цели — изменение существующего строя и создание коммунистического строя. Он не упускал из виду революционной исторической роли пролетариата, и поэтому он мог бороться со всеми оппортунистами.

Ведь нет, вообще говоря, каких-нибудь общих лозунгов, верных для всех времен. Каждый лозунг имеет значение в той конкретной исторической обстановке, которой он выдвигается.

Чтобы понимать, когда и к какому времени уместен тот или другой лозунг, нужно уметь подходить к действительности и оценивать ее с точки зрения марксизма.

Если неподготовленный человек возьмет сочинения Ленина, то он может запутаться на нескольких, видимых на первый взгляд, противоречиях. Можно заметить, как Владимир Ильич в целом ряде вопросов защищал различные точки зрения, и человек, который не понимает, как развиваются лозунги, который не понимает его революционной диалектики, он будет видеть тут противоречия.

СЕНТЯБРЬСКИЙ ПЛЕНУМ ЦК РЛКСМ в Митрофаньевском зале Кремлевского дворца.

Владимир Ильич к изучению явлений подходил всегда с великой честностью; если он видел у врага правильно высказанную мысль, он не смотрел на то, что это сказал враг, он ее брал, заносил в число тех фактов, которые помогают изучать действительность. Он вдумывался в оценку врагов и старался найти на основе этой оценки правильный подход к факту.

Иногда какая-нибудь похвала врага служила предостережением, что он неправильно подошел к вопросу.

Эта революционная честность, умение подойти к каждому вопросу, не соображая с тем, что может быть, надо все переосмыслить с самого начала, не соображая с тем, что может быть, предстоит громадная работа, не соображаясь

ни с каким личным самолюбием, хотя и все сказали, что он неправ, приводили его к правильному ответу на вопрос.

Вот это умение — умение изучать пристально, умение наблюдать, умение чужой опыт использовать и обдумывать, умение смело смотреть в глаза фактам, — должны быть свойством той молодежи, которая хочет быть ленинцами.

Я еще хотела на одном вопросе остановиться. Когда в 90-х годах только что начала строиться партия, тогда очень оживленно обсуждали вопрос о роли личности в истории. Представители народных выдвигали теорию и говорили о том громадном значении, которое имеет личность в революции. Михайловский

писал статьи на тему — герои и толпа. Вопрос о героизме, о роли сознательной личности в истории подчеркивался предшественниками эсэров. Эсэры также выделяли на первый план героическую роль личности.

Маркс подходит к вопросу иначе. Он говорит о классовой борьбе. Если думать в этой термин — классовая борьба, — то к этому вопросу о роли личности надо будет подходить так, как подходи Владимир Ильич. На первый план он выдвигал вопрос о массе, о том, под влиянием каких побуждений действует масса. Рассматривая действия отдельной личности, в связи с тем классом, с которым она действует заодно. Одна личность вне масс — бесильна.

Николай Кузнецов 4/10/23

Комсомолец-поэт Н. Кузнецов.
Умер в сентябре с. г.

Вступление.

В синий вечер у дальней заставы,
Когда искрились в окнах огонь,
Молодых собирая и старых
Зависела, зашла гармонь.

И гармонью, как видно, из старых:
Обмучались лады и бока.
Знал, у многих молодчиков бравых
Побывала она в руках.
Позвоня я и сел послушать,
Средь веселья девиц и парней.
Лютая в сердце мое и душат
Гармонь и радость прошедших дней.

I.

Эту звонкую гармонь,
Тувальск мастэр мастерил,
Он валяки в нее огов,
Заиграл — кровь горит!
На утку молодень
Пылабая ее лады.
Доже был доловен сам
Товким, звонким голосом.
А купил ее Ванек.
Бравый парень с салог.
Под его рукой умелой
В первый раз гармонь задела:
Туза, Туза, Туза я,
Туза родина моя!

II.

Все сопли с ума с гармонь,
Стоп! слымо заиграл,
Венчери на прогосне
Песни, пляски до утра.
В темны ношевыи прилежкам,
На полк, пугав совь,
Бывалоны парни с десками
И влоблался под гармонь.
А в одну из вечок милнетьх,
Не заметил даже как,
Побойбоя гармониста
Тана — дочка Дулка.

ГАРМОНЬ.

ПОЭМА НИКОЛАЯ КУЗНЕЦОВА.

Ну, понятно, эти нотки,
Эти звонкие лады.

Убежала скоро дочка
С гармонистом молодым.

III.

Там, где дымом турбл киприных
Синий воздух промучило,
На окраине фабричной
Поселась Вава с милой.

По ступам гулов баскетный
Вымыл их на работу.
Только скоро гармонисту
Села на плечи забота.

И в транкир частенько ищем
Он с друзьями по стаканам
Заходил толку залялчати,
Наиваят вином стакан.

Вечерами, в дни воскресенья,
Когда искрилась огонь,
О рабочей жизни песеню
Только плакала гармонь.

IV.

Как-то раз, придя в завод,
Увидал:

«Что за чорт!»
«Откуда лютая стра!»
Чь-то ловкая рука
Разомкнула по стаканам

Ряд белевских прокламаций.
А за эти заговорки
Не поглядят ли товочки! —
Живо съезжай за решетку!
И аистовским шурица,
Протинял все спеша:
«Вы-зодите на мавку».

V.

Лес, поляна, солныш, речка.
Ни январия, ни солдата
Влез на пень и выложил
Шелк сердца ловлей оратор.

Сылет голосом баскетным,
Что ни слово, — похвалу
И в руках у гармониста
Призвудавляе гармонь.

Призвудавляе и люди,
Мысли в мозг отовкой лезут,
Кончатся они, гармонь и груди
Загремели «Марсельезой».

Были все от песни пьяны,
А из ясуе, как собакы,
Банкой буйной на поляну
Мчались бешено казаны.

Налетели с гаком, светом,
Быот гайтайки и плавкой.
В это время гармониста
Кровь стекла под рубашкой.

VI.

Малысь дини, наступила година,
Были матери, жены в слезах,
Оттого, что на польских равнинах
Загремела войны гроза.

На поля, где скрадные и степы,
Грохот взрывов, палыба и огонь,

Унесла гармониста вагоны,
Вместе с ним и его гармонь.

VII.

А гармонь все звенела и пела,
Завывалась во мраке ищек,
О том, что солдатское тело
Защищат карная богачей.

И содаат, не взлобывших погоню,
Подавляя ее голою,
О суровых законах,
От войны убежать в леса.

И в тоске по ролным местам,
Пока еще пудит не сполан,
Не один убежала из окопов,
Не один дезертир стал.

VIII.

Принутихуа грохот батареи,
День с утра дождями плакал.
Было больно, тяжело смотреть,
Как «привалили» люди пред аязкой.

«Не вернувшись, видю, нам домой.
Если жив останешься, братишка,
Напиши родным мое письмо,
Мне же... чуей сердце... кришка!»

И когда встречуя верной смерти
Побежали с криками «ура»,
Опускались руки, словно плати,
И не страшно было умирать.

Какой взрыв снарядов, то и дело,
Варыла солдатские рыды.
В этот день гармонь осиротела
И надолго смолкнула лады.

IX.

Дни — это взбешенные кони,
Назад никогда им не вернутся.
Шла весна, а с ней революция —
И не стало сразу ни трено, ни дур.

«Но осталась, как было прежде,
То же начальство, те же и белы,
И молчал кривая солдатские надежды
Привалам».

«Война до победы!»
И колоды окопы затилим объята,
Когда спит офицеров уши,
Собираясь в земляных солдатах
Большечисленные речня послушать.

X.

ИЗ РЕЧИ СОЛДАТА-БОЛЬШЕВИКА.
Равные, шершавые
Дрались под Мариуполем.
Пулумы, окопаны,
Много женщин сполано.

Мы ведь не из стаи —
Восстае углая.
А за что дересая?
Чорт не разберет!
«Валеть то неидеяна,
Старая лодочка,
Приват белоручки
Из господской кучки.

С властью буржуазною
Наш дороги раздвинули,
Не поря ли, братцы,

Вместе с властью буржуазною
Наш дороги раздвинули,
Не поря ли, братцы,

Вместе с властью буржуазною
Наш дороги раздвинули,
Не поря ли, братцы,

За господ принятые.
И на легком катере
Всех к ярерой матери!

XI.

А гармонь не вылазла без дела,
И в руках пулеметчика бравого
Грустью, тоской звенела,
Вспоминая хозяйна старого.

Но раз в перестрелке жаркой
Сачисла без а пулеметчиком,
Привели санитары молодичка,
Стоня они и кровью хохоча.
А когда от траншей и снарядов
Пулеметчика в поезде мчало,
Вместе с ним на конике рылом
Гармонь в уголке молчала.

XII.

Дни бежали, планы и дзетали,
Как то раз в одну из ищек,
В позидный час в своей восток:
От толчка проруская пулеметчик.

Загрохотало, забилось сердце,
Грохот залпов слышно не дыма
И с братом — краснорывардем
Спагои вытнаты спеша.

И пошла в дым, как зады,
На дворе их скривила туман,
А в каморке, над столом, у лампы,
Наклонилась плачущая мать.

XIII.

Освежао линия холодом,
Тучи плыли бинтой тумрой,
Вместе с ним на конике рыло
Кривали темные фигуры.

И встречался в переулках,
Словно билив все знакомы,
Перемывались гуако:
— «Кто ищет?»
— «Куда?»
— «К райкому!»

XIV.

По домам и паркам
Пуделет задрался.
Рагаторские бои
И в провале улицы
Юнкера целуются

С грядной мостовой.
За шумку до грая,
Что колпна злоба

Догаие года
Гармонист-молодочка,
Бравый пулеметчик,
Был по госнодам.

Господа и кучкини,
Господа гулабичи,
Вана певича спета!
Словоны не жалко,
Бей, стреляй и гарвай:

«Власть Совстам!»
Смокнул только к ночи
Пуделет в тоске
Смоук и пулеметчик
С пудело в виске.

XV.

Дни минувшие — стихивший выстрел,
Позывады давно пулеметчик,
Лили в руках у дурных гармонистов
Вспоминая гармонь молодичка.

И частенько... (прислушавшись надо)
В ладах у гармониста звучат
Позывады о новом — радость,
В неснях о прошлом — печаль.

СЕМКА НА КАНИКУЛАХ.

Очерк КУДАШЕВА. Иллюстрации Г. БЕРШЛАДСКОГО.

Семка Фокин бежал по урочищам, реакциям и прочим местам, доставая литературу для деревни. Набрал вагонов 20.

С багажом долго возиться не пришлось. Взял в руки домашнюю корзинку и — лада на вокзал.

— Дашь деревню!

Прочувшишь три года на рабстве, Фокия стал уже не так себе. Кое-где подработал денюжку (из вокзалов дрова и уголь сгружали, купит коньячку туजूрку, брэнки-ганьфе, кепку смял на затылок. Серая сорочка, в клетку значок «КИМ», подмышкой портфель, совсем не тот Семка стал, кто раньше по деревне в свитке портка халцался. Одно слово — доподлинный московский активист.

В поезде Семку приняли за комиссара — расширявали. В особенности интересовался баба с мужиком — ехали с ним на одну станцию. Семка отвечает на вопросы, а сам все сворачивает на политику РКП в деревне.

Мужик с бабой не соглашались:

— Хорошо кабы на деле, а так-то оно не совсем так...

— Вот приходи на собрание, докажи делать будешь, докажу...

Мужик (Трофимом его звали) помириться и поугарял про себя:

«Хоть год мени, все равно не докажешь»...

Когда от Москвы отехали верст 250 настал момент Семка впервые показать себя мужиком.

От споров у него к этому времени даже бабку заглянул. Семка вышел из вагона на какой-то станции и пошел по платформе. Бежали люди взад и вперед, гремели чайничками, торговались с бабами.

К поезду приехали новый паровоз. Он тяжело фыркал, как загнанный на скачках лошадь.

— Фу-у, у-фу, у-фу-у-у...

А обочку красовалась крапивопади: Победа proletарната — смычка рабочачка с крестьянством.

У вагона шла посадка. Мелькнула посыльщик с желтым чемоданом. За ним катало пролампа дама

В память энергичной совместной работы посвящено это очерк Курдаской ячейки РКЛСМ Раменбургского узла, Рязанской губ.

В. К.

в белых перчатках в огромной шляпе с голубыми перьями. Проводник посмотрел билет и услужливо похотился.

Пожалуйте...
Велел садиться мужик. Несмотря на лето, они были в равных меховых шапках. У него толобо обмотаны портнягами, на спицах болтались меншик с лобчой и инструментами. А у одного под мышкой была динная пилы.

Проводник посмотрел билет и сказал:

— Сода нельзя.

— Пусти милый, товарищ, четыре дня жажу. Сорюк верст шши... Почему нельзя? Мы такие же деньги заплатали...

— Нельзя, говорю, с пилами...

— Да в ней только десять фунтов, товарищ, мила-я уста-и-и...

— Не лези...

Три звонка. Поезд дал свисток, тронулся. Мужик на ходу лежал в вагон. Проводник не пукал, был по рукам и ногам. Некоторые оторвались от вагонов: один споткнулся, ударился головой о водокочку.

Мужик постарше поднялся, затряс рыжей бородой и замахал кулаком вслед поезду:

— Сволочи... проклятые... што б вам голову смотать... мать... перемать...

Проводник вошел в отделение, где сидел Семка. Он был, повидимому, очень доволен своей победой над мужиком и улыбался.

— Товарищ, вы почему не наступил эти мужиком? — дерзково спросил Семка.

— А потому они с пилами.

— Ладно. Скажите № поезда и вашу фамилию.

Проводник ответил. На лице у него всплыла краска. Пол глазам забился живчик.

А Семка записал в блок-нот:

№ поезда 104, вагон № 7347, проводник Турфильев.

Проводник стоял ошеложенный. Спросил заискивающе:

А вы, товарищ, где служите?

— Нигде не служу... рабфактонец. А об этом случае пошло завету («Трубок»), как крестьяне явились вслед советский поезд № 104, на паровозе которого написано:

— Победа proletарната — смычка рабочачка с крестьянством.

Мужик, сидевший в отделении, посмотрел на Семку с уважением. Один подмигнул и сказал:

— Молодец, тов. Фокин, это дело...

Д О СЕЛА, где жил Фокин, было от станции только четыре версты. Принято было пройтись. Казалось, мало этих 4-х верст, если бы их было десять, Фокин прошел бы их также незаметно.

Дома, несмотря на усталость, он сейчас же послал стиречку за секретарем ячейки РКЛСМ — Жучковым. Пришло еще человек пять комсомольцев.

— Ого-го! Семка, здорово! Как живешь? Расскажи...

Поспался десетки вопросов.

— Ну, мы тебе бока нашипуем, а ты замосквичишься совсем, в деревню и носа не клещишь...

— А у вас, ребята, как дела?

Жучков принесла затылок, осмотрел Семку с головы до ног (здорово в Москве живут) и сказал:

— Так себе. Комсомольцев всего девять...

— Ну что-ж, ребята, давайте явнишем обьявление. Я сегодня докажу саделу, А поставолевана XIII-го Съезда РКП.

Ребята охотно согласились. Интересно послушать, как Семка научился говорить.
— Только вот бумагу нет на обьявление. Семка достал из привезенных запасов.

ПЕРЕД ВЕЧЕРОМ на каждом переезде, у колодезя, на кооперации, ветер шестисти фарши...

С Т О Й И!

Сегодня в ячейке РКЛСМ будет сделан С. ФОКИНЫМ доклад о постановлении XIII Съезда РКП по работе в деревне.

Начало ровно в 7 часов.

Фарши читались жалко. А мужики даже ужасались, откуда «комсоморды» взяли столько бумаги. Тут курить нечего, они вон что, на каждом углу валяются!

Три дня Семкин дел, набивая в нос табак, подкалывал мужикам:

— Это наш «комсоморд» из Москвы привез...

Мазенькая иша, где поменялся комсомолом, а в вечеру — биглом.

На следующее собрание. На столе стояла глиняная кружка с водой. Фокин встал на скамейку, трыкнул волосами. (Как это в Москве ораторы делают?) Руки в карманы, начал доклад. Резко, четко, как, все равно, машина, отбивал слова Семка.

От жары то и дело нила вода.

Мужики не во всем пунктам соглашались с Семкой. У него на губах от спора сложился пеня, а мужик шепот:

— Ну, и дело, на словах это хорошо, а ты бы вот на деле, да-а-а...

— Какая же ты, говоришь, политика просветительная?.. кады см выниши, есть у нас шювак, жал нет? В ней вот и паплет — вот затылок.

До полночи тынулся спор с мужиками. Семка им политику РКП в деревне, а они ему:

— Преврати слова на деле, тады ля-а-а...

А уж говорить ты, Семка, ловко научился — на что я стар, а в другом месте так скажут, как voluto шевалятся... сказал Семка Пантелеев:

— Мужики красных слов не надо, дело давай. Вот тогда бы правильно была политика КИ-ПЫ-РП, РП КИ ПЫ. Вот это бы правильно.

Когда вышли на улицу, Жучков сказал Семке:

— Ну, как, Семка, подиерно, а мы трудно работало...

— Ничего... Поработаем и сделаем.

В ДЕРЕВНЕ НАЧАЛАСЬ КОСЫБА РЖИ. Семка для дна косыя реба. А как с косыби прилет на обед, так сейчас с ребятами на пруд купаться и упражняться гимнастикой. Мужиком это не нравилось.

Ишь отгулялся, кувыркается, делать тебе нечего! Знпирать мы тебе на весь год работало, тады бы не заваривали, а то как мерши отпоялоса.

Семка уже стал сердиться.

А мужикова едет.

Это тоже хорошая политика, только поспе дае.

Ошавкад к Семке пришла Марфа, соседка.

— Семка, чтоб вы мне «комсоморды» рожи скопили, а то мужики нет...

Ладно, так, сегодня на собрании поговорим.

На собрании комсомольцы предложение Семки приняли и, кроме того, сделали добывание С. ФОКИНЫМ рожи еще бабам, не имеющим косов, и бедным семьям крестьян-ремесленцев.

Для дна Семка с комсомольцами косила ребу. А как с косыи обиде — в рыки и с пеней. На третий день вечером собрался комсомольцы. Подсмениваются друг над другом, кто как косил.

А Жучков виее предложение:

Ребята, давайте через Отдел лесничества выишнем на осевь молодняку для посадки леса.

— Дешь, ребята!

Поручили Семке с Жучковым выработать отношение поговорить с лесом. Отдел лесничества согласился. Отдел комсомольцев на складе готовился о договоре на лес. Председательские были комсомольцы. А Минята встал и сказал:

Вот это хорошо, ребята, за это все никто «комсоморды» не назоват. А то что, живишь, хутишка негде вырывать...

Семка Гуляев, ходок из села Кудашино по делам с.-х. работ (см. стр. 24 «К очерку Кудашева»).

Андрей, бороздатым его зовут, забавил:

— Этого мало еще, ребята, вам на горло нужно наступать, а вы наступайте, где нужно — школа нужна. Два года ребята забудьдальничали! Тут и мы поможем.

По мере сходки Семка закатился в Веклом, в Волосполок, пояснил, в чем дело. В Волосполокские партияны похвалили Кудрявских комсомольцев. Но Семке они не понравились. Все это — старина, сделана. Не как в Москве: раз, раз и готово.

— «НОТ» нам нужен, а то болно у вас все кисло, — предложил Семка.

Но как ни медленно, а дело шло. Волосполоком отсюда старый лесок из разномышного дома и согласился на открытие школы.

Семка подпрыгнула от радости, когда приехал домой. На другой день похвалился с мастерами, и всей ячейкой привлекся к работе. Три дня один навоз вычищали. Земля не харила. В особенности, когда лопали старые вни.

Целую неделю, с утра до вечера, комсомольцы Семка, Афанасий-столар, Захар-печник провозили. Комсомольцы стругали доски. Брус, Афанасий как подавал, так на месте. Комсомольцы оцищали, подавали кирпичи, а Захар-печник положил кирпичи, глиняной пришивает, так тут и был.

Стены были сделаны. Все подмазал. Устроил сцену, стены выбелил мелом с подсышкой. Наделал скамеек, починил парты. На входной двери наплавил лозунг:

«През просвещение к коммунизму».

На левой стороне слова Ильича:

«Книжное знание без практики ничего не стоит».

На правой стене комсомольцы с Семкой сами выработали лозунг:

«Дети помните: эту школу создали вы комсомольцы!»

Вот и весь разговор с вами оцищали, ребята, — сказал Афанасий. — А какие слова? Помните, комсомольцы вам создали эту школу? Ух, как здорово!

А што, ребята, барский дом как пустует. Нам бы ремесленную школу и нам открыть. Комсомольцы у нас есть и еще будут после этого дела, хоть отбавляй. У — по столариному шеху; кузнец хороший есть на примете...

Захар перебил Афанасия:

— А कैसे бы какие слова выписать а с ребятами. Ух, ярена папка, а дело может пойти...

— У Семки сразу гвоздем заседа эта мысль.

— Что ж гениально... попробуем.

Все улабылаось.

И новая мысль молнией разнеслась по всему селу.

КОГДА комсомольцы задумали построить школу, на ним полтора месяца ходил сам дыкнона — Шурка. Приставал, чтоб его приняли в комсомол. Семка с Жучковым-секретером отгасчили.

— Что же, поддай заявление, посмотрю... Шурка написал заявление и зачитал. Привел рассказание, почему не вступал до этого времени и почему вступать сейчас.

В новой школе было назначено собрание. На сцену поставили стол. Ибода и президиум. Народу пошла школа: мужики, бабы, все уаина, с ребятами, девками. На посетку дня поставили два вопроса:

1) Доклад С. Фокина: Поселки и клуб РЛКСМ в деревне.

2) Прием новых членов.

Мужики смотрели на сцену, от удовольствия улыбались.

— Вот теперь, ребята, вам можно быть. Комсомольцы, браво, молодцы! Ишь, как отгучивали. Тут и быть охотно, — сказал Фелот, пуская клубы дыма из рта.

— После доклада Семки, приступили к разбору заявления. Подано тринадцать. Принимали здорово.

— Бедик, хороший мальчик — принять.

— Середка, хороший мальчик — гармонист, деревенский вотбак — принять.

— Настух и вотбак — принять.

Одного Гришку взяли здорово — дуаганит больно. Наконец, кончо дело до дыкнона сына Шурки.

Жучков читал заявления по одному топу, а Шуркино редко и с расстановкой. Мужики думали, что Шурке особое предпочтение. А Сидор даже сказал Федоту:

— У-фу-фу... отца дыкнона Шурка подал заявление. Ну, этого-то... сразу примут, уаение в семинарии, образованный...

— И, не тут-то было. Вышла комсомолка встала на скамейку, чтобы его было видно, и Шурке вопрос:

— Вот, товарищи, пусть он скажет, почему он ходит в церковь? И его видел, он в воскресенье шел.

Шурка пристава. Ему позволю отвечать перед мужиками Ваньке «мальчишке». Капашина, сказал:

— Церков, а почему не ходить в церковь? Я считаю, можно быть в душе болно коммунистом и можно ходить в церковь. А что касается меня, то я люблю искусство духовного пения.

— Искусство духовного пения, — перерезала его Ванька, — ну, ала, а почему апостоа читаете?

— Апостоа? в апостоае тоже пение. Иногда приносят стихи.

Собрание кончилось, все засмеялись.

— А вот, скажи, почему ты не поступаю до него предложение? — спросил Семка.

До этого времени он вступал... неустойчиво как-то было. Печка была слаба, а теперь я вижу совсем другое, ну, а больше...

Жучков Семку шепнул на ухо:

— Знаешь, Семка, я сейчас выкину предложение, сразу отступи.

— Товарищи, вопросы больше нет, тогда у меня есть предложение: принять в члены и поручить вести анти-религиозный кружок и делать публичные доклады на анти-религиозные темы.

У Шурки возмоз зашевелился от неожиданности.

— Что за гауный вопрос, товарищи. Я буду работать, но зачем называть это? Могу хор организовать. А это законно.

— Тогда я предложение снимаю, товарищи, — сказал Жучков. — Ино другое: по высказанной здесь принятым, нам таких не нужно.

Все поднимал руки за.

Хотел пристроится, не удалось, — сказал Ванька.

— Во как они его заколесули, — пожимая плечами, сказал мужик Артем.

Жучков объявил собрание закрытым. И дружно, звонко из оина на галстуку уаию потекли звуки Интернационала.

Вышли все. Месяц застыл в смысле и казался мыслями а с дауринскими. Переметнулись звезды. Вскрикнул пели. По селу зноном разлилась гармошка.

НА ДРУГОЙ день в школу пришел председатель кооперации.

— Ну, как, Семей, можно у вас в школе собрание сделать?

Семка ответил от радости.

Почему же, поауаляста.

На собрании Семку выбрали председателем. Семка на посетку свой вопрос:

— Кооперация и культурно-просветительная работа в деревне.

Семка не успел как выказаться, Иван Петрович — член правления кооперации — потрогал

длинный ус и нисе предложение:

— Выписать газету, там как нам нужны всякие разъяснения, и опустить комиссому на посвященную работу два чарвуца.

Предложение Ивана Петровича у Семки по явкам растеклось.

— Зарон!

Афанасий-столар пристава, высказал свое мнение:

— Граждане, вам, наверное известно, что наши комсомольцы совместно с вами решили открыть ремесленную школу. И вы, граждане, мне кажется, что кооперация здесь должна решить. У нас будут мастера: столяры, кузнецы, колесные.

У нас будут ученики — комсомольцы, а также и беспартийные. А вы нам, граждане, от кооперации помогите. Помогите доставить отаины сельско-хозяйственных машин. Мы будем их обделывать деревом. Дело на ходу, граждане. Привозите свои услия, чтобы и преледо а в весье уезд. А с комсомольцами, граждане, это сделать можно.

— Чего тут, мужики, фуксируй все в протокол, что скажет Афанасий. Дело хорошее, нужно помочь! — заявила категорически Кирилла, член ревизионной комиссии.

— Теперь у меня есть еще кое-что добавить к этому, — сказал Семка. Наша кооперация сельско-хозяйственная. Необходимо, чтобы еадиз агроном, читал лекции о сельском хозяйстве.

— Теперь у меня есть еще кое-что добавить к этому, — сказал Семка. Наша кооперация сельско-хозяйственная. Необходимо, чтобы еадиз агроном, читал лекции о сельском хозяйстве.

— Чего тут, мужики, фуксируй все в протокол, что скажет Афанасий. Дело хорошее, нужно помочь! — заявила категорически Кирилла, член ревизионной комиссии.

— Теперь у меня есть еще кое-что добавить к этому, — сказал Семка. Наша кооперация сельско-хозяйственная. Необходимо, чтобы еадиз агроном, читал лекции о сельском хозяйстве.

— Чего тут, мужики, фуксируй все в протокол, что скажет Афанасий. Дело хорошее, нужно помочь! — заявила категорически Кирилла, член ревизионной комиссии.

— Теперь у меня есть еще кое-что добавить к этому, — сказал Семка. Наша кооперация сельско-хозяйственная. Необходимо, чтобы еадиз агроном, читал лекции о сельском хозяйстве.

— Чего тут, мужики, фуксируй все в протокол, что скажет Афанасий. Дело хорошее, нужно помочь! — заявила категорически Кирилла, член ревизионной комиссии.

— Теперь у меня есть еще кое-что добавить к этому, — сказал Семка. Наша кооперация сельско-хозяйственная. Необходимо, чтобы еадиз агроном, читал лекции о сельском хозяйстве.

стве. Нужно завести связь с землемером на предмет землеустройства.

— Не успел Семка окончить последних слов о землемере, как загладели мужики:

— Уж про это нужно как следует. А то живет какой-то агроном, а мы его в глаза не видели. А про землемера, брат, ты лучше не говори. Какой это землемер. Одно слово, — землемер. Вот прошлый год хотели перейти на многополье. Выискали этого землемера, а он с кого быка, с кого червучей, с кого молава (четверть) самогонки, так измерения, что пять лет чихнуть будем. Все деревня друг против друга на ноки поставили. Вот про это ты, Семка, в центре-то и потакуй...

Семка был чрезвычайно расстроен таким положением.

Семка решил пристыться за устройство ремесленной школы. На другой день поехал в горы; там ничего не получали. В уездный блежаз опоздали. Но дома новую мысль.

Семка пришла домой, собрал собрание, пояснил положение:

— Чтоб создать материальную базу для открытия в будущем году школы, необходимо, товарищи, на первый раз открыть не школу, а промысловую кооперативную артель мастеров по сельско-хозяйственному оборудованию с ученическим улом-ном.

У Семки с собой было устав захвачен из города.

Прочли устав, так и сделали. Записали вновь работу. Семка с комсомольцами искал инструмент для оборудования. А Захар с Афина несли стали асать верстаки. День и ночь работал Семка с комсомольцами и мастерами.

Настало 5 е сентября. Семка собрался ехать в Москву. Мужики работ останавливали.

— Семк, поживи еще хоть денечка два. Дострой это до конча...

— Не могу, ребята, отвечал Семка, — я, чем сумев, буду пмогать отбуда. Необходимо ехать нуаю...

Перед отъездом Семка был в мастерских, устанавливал с кузнецом мех. Потом кузнец для пробы меха накалил до бела кусок железа и сделал новую поаую.

Не охота была Семке ехать от такой работы, но необходимо.

Вечером Семка Фокин стоял на станции под баядным фонарем, ждал поезда и долго, глубоко думал:

— Как им помочь в Москве, чтобы это дело — гремя на весь уезд? — как сказал Афанасий-столар.

Второй холж из деревни, упоминаемый в очерке, — Захар-печник.

Провод забастовки

Возвращение в лагерь
вместе с товарищами
в лагерь

Абоненты Комсомола

Возвращение в лагерь
вместе с товарищами
в лагерь

Литвуки, смущенные к 10-му МОУ'у польскими и германскими комсомольцами.

Как австрийские социал-демократы защищают интересы рабочей молодежи.

Забастовка металлистов.

В начале сентября в Вене разразилась крупная забастовка металлистов, которая захватила до 400.000 рабочих. Настроение рабочих было боевое, они требовали принятия крайних мер борьбы.

Вожак профсоюза хотел использовать рабочую молодежь для срыва забастовки. С этой целью они обратились к циркуляром, предававшим рабочим подросткам не прекращать работы.

В связи с этим Комсомол организовал многочисленные демонстрации протеста забастующей молодежи. Отдельные социал-демократы совместно с полицией выступили на собраниях против попыток вмешательства подростков в работу работающих подростков.

10-й МОУД поднял активность германских комсомольцев.

За последнее время активность Комсомола в Германии значительно поднялась. МОУД прошел с большим успехом по всей Германии. Несмотря на преследования во всех крупных центрах, были проведены крупные демонстрации рабочей молодежи. В Берлине во время демонстрации комсомольцам пришлось вступить в драку с фашистами и помогать им полиции.

Крупные стычки с фашистами участились. Стыкновение с фашистской молодежью во время праздника конституции закончилось арестом 30 комсомольцев, которые приговорены к разным срокам тюремного заключения.

СМЕНА №3

Важимают рты.

Не поможет!

Звряет орган эстонских комсомольцев. Наш молодой рабочий призыв к вооруженному восстанию. Очередной номер комсомола.

Газета для угнетенной молодежи.

Комсомол работает среди колониальных рабов.

Испившая Комсомолом проводится энергичная работа среди испанских войск в Марокко. Эта работа ведется в тесном контакте с французским Комсомолом, который развила большую деятельность в колониях и, в особенности, в Марокко и вытискает на английский язык комсомольскую газету.

Пакем до конца.

Б. император Германии — Вильгельм на жалобных у соц.-демократов.

Германское Правительство передало Вилгельму 80 замков и дворов, 38 угодий и 103 земельных участка, а кроме этого, ежемесячно выдает 50.000 золотых марок.

Так социал-демократы сбергают императора.

Кто что видит на Марсе.

И немцы, журналист «Симплицисимус».

Целый поезд в подарок МОУ'у.

Мия Ангеля жидет!

Являя РДКСМ ст. Н. Новгород Нижегородского ж. д., в числе 100 чел., работая в неурочное время, отремонтировала паровоз и 12 товарных вагонов. Паровоз назвали именем т. Ангеля, комсомольца, расстрелянного в Польшу.

Этот поезд прибыл в Москву в начале сентября и торжественно передан, в присутствии московских рабочих, МОУ'у.

Знания монгольскому Комсомолу.

В сентябре состоялся съезд монгольского Союза молодежи. На съезде присутствовало больше 100 делегатов. Представитель КИМ'а т. Старков привез съезду знания, привезенное из Москвы.

КАЛЕНДАРЬ «СМЕНИ».

- 12 октября. Открытие Америки (1492)
- 13 октября. Поражение ген. Денисова у Ора (1917 г.)
- 16 октября. Род. Каутский (1854 г.)
- 17 октября. Базки Юзефа дзави Красное Слово (1917)
- 18 октября. Австрийский социал-демократ Эдлер убил министра Штрера с целью протеста против войны (1915 г.)

№ 7.

Адрес редакции: Старая площадь, 104, Москва. Тел. 1-89-13.

ГАЗЕТА

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА * КОМСОМЛ * ТЕПЕРИ МОЛОДЕЖИ * НОВИНИ НАУКИ И ТЕХНИКИ * ВЫХОДИТ РАЗ В НЕДЕЛЮ

Деревенский Комсомол на посту.

Мост починили — свой асторитет подняли.

С 6-ти часов утра ребята Кергосской ячейки РДКСМ, Сергачского уезда, Нижегородской губ., все на мосту; разбирали его, сносили гнилые переруды, обвалили земля, обвалили, навонили на своих же лошадей — мост готов.

О воскресенье узнали все граждане и, восторжась с комсомольцами, добродушно замечали: — Молодцы, ребята! Вот это дело, а то мы на складе пять раз о мосте говорили, малялся, а вы за нас и починили. Вот молодцы-то!

М. Р.

„День Урожая“ среди татар и башкир.

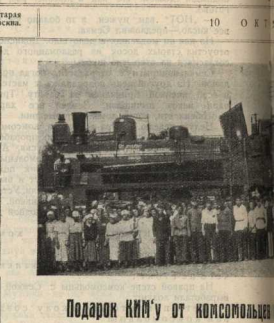
Внимание советским окрадинам.

ЦК особым циркуляром о „Дне Урожая“ обращает внимание на то, что предстоящий осенний праздник урожая с особым вниманием всех партийных и комсомольских организаций должен проводиться и среди татаро-башкирского населения.

При этом необходимо иметь в виду просвещение в жизнь следующих лозунгов „дня“, связанных с особенностями татаро-башкирского населения:

- а) разъяснение причин недорода хлебаю большевистами татарских и башкирских сея;
- б) необходимость перехода к более новым способам обработки земли; организации сельскохозяйственных кружков молодежи;
- в) борьба за советскую школу, за советского учителя;
- д) осторожная агитация против создания религиозных школ, являющихся причиной некультурности, экономичности отсталости и ежегодного наступающих бедствий татаро-башкирского населения.

ЦК предложил в день „Урожая“ провести кампанию по сбору подписчиков на газету „Игенчелек“ (братский).

Подарок КИМ'у от комсомольцев.

Сине-блужное небо.

Праздничные ушны молодежи, купаясь в солнечных лучах.

Новенький, защитного цвета, паровоз Э—721 имени коммунистического Интернационала Молодежи бегит новыми частями и переливами красок, радуя глаз. Являя РДКСМ Завода Октябрьской революции преподносит его в Международный Юношеский день КИМ'у. Этот паровоз делали те самые руки, которые в 1919 году ярили Лутанскую степь окнами, этот паровоз строили та самая рабочая молодежь, кровью которой окропа-

ла Лутанская степь „Острый Мерк“ Тысячи верста паровоз. Из него ошла тысяча бревен, равнявших у Берга в градусной башни. Быть молодым. А сегодня мы будем. Сегодня мы будем. Сегодня мы будем. Сегодня мы будем.

В день урожая и комсомольского пох...

Глубже вспашем — лучше посеет.

Работа сельских комсомольцев в праздники.

„Праздник Урожая“ в нынешнем году впервые празднуется в настоящее время. До сих пор крестьянству приходилось иметь дело только с церковными праздниками. Пришла революция, пришла 1-ое мая, 7-ое ноября, день Паркинской коммуны и проч.

А теперь — будет углубленные, наполненные большим конкретным содержанием — „День леса“, „День урожая“.

Они входят в быт крестьянина, им случается в конце забыть церковные праздники. День „леса“, „День урожая“ в деревне — это крестьянский „новый быт“.

Большая задача „Дня урожая“ — это агрономическая пропаганда. Ею нужно охватить крестьянство в предстоящий праздник. К нему нужно приурочить подведение итогов сельско-хозяйственных комсомольских участков земли (где они есть), работу сельхозкружков, а там, где их нет, создание таковых.

СМЕНА

„СМЕНЫ“

ОА РЕСПУБЛИКИ • НАША ПАРТИЯ • КОМИ-
НИ • КОЗЬЯТВО СССР • РУБОР СМЕНЫ
В ДВЕ НЕДЕЛИ

Я Б Р Я

Примор по делам печати
сделано и релиации
от 12-2 час.

№ 7.

защита Октябрьской Революции.

да до самой
пробегит наш
бить может, не
приведя им на
ии Парика
первой револю-
инована—три
нера сратор не
кверудной соли-
е борьбе моло-
злых Комсо-

уважк под-
комсомола на За-

шире фронт ком- ода в деревню!

окружков.

ужская.

используются
идеологический
идеологический
идеологический

НА

наде Это они так украдкой от
жаждущего глаза выводят на
стенах домов рабочих дорог, близ-
кое имя—Ленин.
Туда, на Запад, в Советскую
Германию, в Советскую Францию,
мы знаем, это будет,—пойдет наш
паровоз КИМ Э—721, радостно
встретивший наших братьев по
борьбе.
— За дело Ленина будем гото-
вы!—Прогулв воздух, заколыхались
знамена.
— Всегда готовы!

Степной-Заводский,

КАЛЕНДАРЬ СМЕНЫ

18 октября. Работе генерала
Краснова на Юге (1918 г.).
25 октября. Шейдеманн во
ша-дмоэративска партия
поставила предле-
жение, главному Октябрь-
ской революции (1918 г.).
30 октября. Объявил Петер-
бург Советов Рабочих
Деятелей (1905 г.).

Воздушная охота за по- лярным кругом.

Гидроплан „Поляр. медведь“.

В Америке недавно построен
гидроплан специально для воз-
душной охоты в (полярных) стра-
нах на медведя.

На ту своеобразную охоту со-
бралось несколько лучших спор-
тсменов Америки и представителей
воздухоплавательного дела. Поляр-
ный круг находится в 72 часа по-
лета от Нью-Йорка, а так как
гидроплан может пролететь не
спускаясь 5.000 миль, то шесть от-
важных путешественников решил
пересечь на Нью-Йорка в Мон-
реаль, а отсюда пересечь через
Канаду, устроив небольшую охоту
в се снегах.

Затем через море Баффина и
Гренландию пересечь за север-
ный полярный круг и заняться
охотой на белых медведей и моржей.

Гидроплан называется „поляр-
ный медведь“ и устроен с необыч-
ными удобствами.
На носу корабля—наблюдатель-
ный пункт и беспроволочный теле-
граф; в соседней комнате теле-
граф стел в креслах, превращающис-
я в кровати; затем — электрическая
кухня и бани для экипажа.

И наконец—комната для отдыха,
„все удобства“—комната экипажа и
кладовые. Наводку для места
для плавтов. Во второй комнате
особые приспособления для охот-
ничьих ружей.

К концу года будет из- готовлено 5.000 радио- приемников.

В связи с опубликованием декре-
та, разрешающего установку бес-
проводных радио-станций всем гражда-
нам, трех сетевых токов нляжают
массовое изготовление радио-при-
емников различных типов. До 1-го
декабря этого года трестом будет
изготовлено 3.000 радио-приемни-
ков. Кроме того, в Ленинграде
усиленным темпом идет выработка
усилительных радио-лампы и аккумуля-
торов, необходимых для усилите-
лей.

СМЕНА

Создадим вечерние школы для рабочей молодежи.

Сейчас всякие отпускиные строи-
ния заводов, чтеки и ребят кончи-
лись. Вернулись на работу с новым
зарядом энергии. Ребята хотят что-
то делать, хотят учиться, но как
заяться, за что ухватиться?

Но чем лучше всего сплатить
работу, каким основным содержа-
нием исполнять работу чтеков?

Ребята заинтересованы в работе,
которая связана с повышением
квалификации, с получением не-
обходимых технических знаний.
Это крошно связано с жизненны-
ми потребностями ребят и дает
возможность внаучным образом ор-
ганизовать молодых на школе, как
лучшей формы организации.

До сих пор на работу вечера-
заводских курсов, на организацию
бригад чтеков смотрели, как на ра-
боту второго сорта. На работу в
школе ФЭУ смотрели, как на ответ-
ственную и серьезную, а вечерние
курсы считали делом будто бы мало-
важным, даже не касающимся
вечной.

На нашем заводе летом 1923 г.
несколько цеховых работ органи-
зовали вечерние курсы. Проинужи-
ли 4 месяца, их перевели в централь-
ный клуб, где курсы распустил. В
середине 1924 года ребята, совместно
со студентами-практикантами, само-
организовали вечерне-технические
курсы.

Эти дела сами ребята при очень
малой помощи чтеков, а самые за-
интересованные лица были взрослые
цеховые ребята, желающие повы-
сить свои знания, свою квалифи-
кацию.

Не вернется, а факт.

НА ПОЛИТПРОВЕРКЕ:
— Что такое Вел. ЦИК?
— Это... это... предводитель Ки-
тайского Комитетна молодежи!

Надо объединить взрослую молодежь
на этих вечерних своих ин-
тересах.

Все эти вечерние курсы как-то
случайно, несерьезно поставлены.
Надо эти курсы переделать, пере-
строить в школу, а именно школу для
работы молодежи.

Начнем мы с тех заводов, где
есть школы ФЭУ. Используем их
лаборатории, их склады, методы
занятий (Далтон-план), а главное—
сами ребята своей организации по
школам ФЭУ.

Мы, как всегда, толкаем, но оди-
ными руками школы не построим.
Надо привлечь партию, профсоюзы,
педагогов,—своим весом, кто может
помочь, создать крепкую, внаучно
заводскую школу рабочей молоде-
жи.

Каким будет школой? На год или
на три, разносторонней или узко-
глубокой,—зависит от развития дела.
Но это не все; надо двигаться
далее. Надо разработать мелкие
заводы, не имеющие ФЭУ, по три,
по четыре, использовать находя-
щихся по-близости школы 1-я и 2-я
ступени (где есть и классы, и ла-
боратории, и педагоги), и только в
крайнем случае при заводском или
районном клубе (где всего этого
нет).

„М. П.“

Деревня адрет.

Ходок из деревни Хорков, Оста-
шковск. у., Тверской губ., Ф. Г. Ко-
жонов, авиационный Коржевский на-
вигационный, приехавший в Мо-
скву за литературой.

Чейна комсомола электри- фицирует школу.

Чейна РИКСМ, водоканал Олен-
дерборога в Москве на свои сред-
ства и своими силами электрифи-
цирует школу 1-й ступени № 13
по Ярославскому шоссе, дом № 48.

В школе обучается 181 человек,
исключительно дети рабочих.

Средства на электрификацию
выскажутся путем постановки
светильников и спортивной высту-
пательной. Техническое руководство
возможно на одного члена бюро и
одного члена бюро чейны РИКСМ.
К. У.

Кооператив юных пионеров.

Юные пионеры Одессы возбу-
дили ходатайство перед Одесским
Церавооком об организации в
Одессе кооператива юных денни-
чек. Кооператив этот должен быть
прежде всего учебно-воспитатель-
ной организацией и кооперативной
школой для подросткового поко-
ления.

Сборы допризывников 1903-1904 г.г.

В осенние и зимние месяцы
1924-1925 года будут проводиться
сборы допризывников 1901-1904 г.г.

ЦК РИКСМ предлозил местам
обратить особое внимание на устано-
вление тесной связи с соответст-
вующими подотрядами и на со-
местную выработку плана полит-
просвет работы.

СМЕНА

Е. Сиксочо.

САВЕЛОВСКАЯ УЧБРИГАДА.

Очерк Н. КУТЕПОВА. Снимки Ф. ЗУБКОВА.

Ребята „подсобляли“, вихрем носились по шпалам...

САВЕЛОВКА—не Московский вокзал с шумом, гамом, тысячной толпой пассажиров и гудками ежеминутно отходящих поездов. Это просто тихая, сонная станция, каких сотни по всей СССР. Ничего московского, столичного.

Просто—станция Москва—Бутырки Савеловской ветки Сев. ж. д.

ТЯЖКО ЖИЛОСЬ Савеловской молодежи годика этак полтора тому назад. Прямо сказать,—собачье житье. Мотались из угла в угол по цехам и мастерским, дела не делали, к работе не приучались, только время зря уходило.

Ребята были растыканы по разным местам: человек десять в вагонных мастерских учились гайки подвинчивать, другие—специализировались по части обтирания паровозных колес. Кроме этих „основных“ занятий, у ребят были еще и „побочные“: делали чеки для вагонных осей, таскали домкраты на носилках, учились, каким концом нужно мастеру шипцы подавать...

— „Подсобляй и приглядывайся“...

И ребята „подсобляли“, вихрем носились по шпалам, выполняя поручения слесарей и мастеров.

До мая 1923 года длилось такое положение. Ячейка частично задумывалась:

— Как бы это ребят объединить для производственной учебы, дать им руководителя, сделать из них рабочих коммунистов?.. Ведь не пропадать же им весь век на третьем разраде?..

Парень был в ячейке Козлов Колька, сам учился в мастерской... шипцы подавать. Не вытерпел парень и надумал

послал стайку в „Гудок“, озглавив „Дайте знание“. Всем досталось там, и администрации, что внимание не обращает на подростков, и мастерам.

Вышла статья, появилась газета на дороге.

Поднялись толки в мастерских, в конторе, в ячейке. Старики ехидно посмеивались:

— Ишь, сопляки, писать умеете, а сделать...

Но не пришлось им торжествовать. Управление дороги прочитало заметку, ячейка РКП нажала, и полетело распоряжение к начальнику участка:

— Разработать вопрос.

Ну, а известно как начальники „разрабатывают“, когда дело касается молодежи. Вечеслов—нач. участка, бюрократ, сразу и говорить не хотел. Относился скептически. А тут еще слесарь в амбицию ударился, боялись, что обучение подростков будет за счет тех 2%, которые отчисляются в профсоюз. Пришлось их уламывать.

Две недели топтались комсомольцы по кабинетам у разного начальства. Добились только одного—разрешили:

— Стройте сами, как знаете.

Средств нет, хотите бригаду ученичества, ищите себе тиски и проч.

Ребята за дело. Ржавые, ломанные, старые тиски подобрали. В вагонной мастерской маленький уголок. Пристроились.

Работают ребята все вместе, а слесаря кругом ходят, посмеиваются:

— Ничего, мол, из затеи не выйдете, ишь надумали, бригаду...

Раз даже инструментальщик ученику

цуть физиономию не разбил за то, что тот сверло сломал.

Прошел месяц. Перевели бригаду в барак. Подобрали ребята еще кучу разных обломков, собрали еще четыре пары тисок. И вдруг—опять новость:

— Выметайтесь. Помещение—для конторы...

Получили ребята по шапке и переносились в дезинфекционный барак. Маленькую камеру себе отвоевали—три на пять саженей. Скандальти пришлось долго даже за эту камеру.

А там до школы, козы жили, вся она в мусоре. Пришлось порядком повозиться, очищать пол, печку ставить.

И в сентябре прошлого года, после торжественного открытия, школа получила права гражданства. 22 парня принялись за учебу. Дорога раскошелилась, даля инструктора. Начали заниматься теорией. А в феврале удалось отвоевать весь барак для школы. С этой поры жизнь пошла своим чередом. Начались хлопоты внутренние, нужно было улучшать завоеванное, ставить школу на ноги.

Тут то стали ребята примечать, что с таким инструктором, как Егоров, Гавриил Тимофеевич, которого им дорога поставила, далеко не уедешь. Сначала-то он был хорош, все к ребятам подъезжал, да же на участковом съезде в почетные бригадиры пролез.

А потом, чем дальше, тем хуже к ребятам стал относиться. Говорить то он был горазд, а делом—от него ничего не дождешься.

Расходился во всю. Ребят заставлял ключи для начальника дороги делать, посылал к себе домой дрова колоть.

Сами на себе подтаскивали части станков...

В маленькой комнатке, почти клетушке овладевают элетрици...

Одного погнал за болтушкой (самоголкой), дал парню червонец, а тот деньги утерял. Так Тимофич не постеснялся из 15-ти рублевой подучки ученика самогонный червонец вычисть.

Один парень-комсомолец Воронин жил в мастерской, негде ему было почевать. Ребята заметили, что новые напильники, которые получены для школы, куда то пропали. А взамен Тимофич ребятам старые дает. Подняли вопрос. Инструктор свалил все на Воронина, дескать, он в мастерской живет.

И еще одно произошло под Пасху, что окончательно взорвало ребят. У этого инструктора жил ученик Спиридонов в качестве приемного сына. И вот, под Пасху, он его отослал в церковь куличи святить. Спиридонов-комсомолец. Вместо церкvi ушел в клуб.

На другой день скандал. Егоров выгоняет из дому и грозит выкинуть из мастерской. Больше ребята не смогли терпеть. Хотя и жалко было без инструктора оставаться, боялись, что долго другого не найдут, но решили этого выставить.

Вызвали его на собрание комсомольской ячейки.

— Делай доклад о школе!..

Егоров начал говорить, а ребята кроют почем зря. Тут Спиридонов выступил, доказал, что напильники сам Егоров куда-то забазарил, а на комсомольца Воронина свалил.

Одним словом, на этом собрании Тимофич, как говорится, «засыпался», вернее, его ребята засыпали.

Он решил оправдаться. Ругал учеников, говорил, что они его не знают, нельзя им доверять даже сверло запрашивать.

Ребята гогочут:

— А почему не учили?..

И решили:

— Работу считать неудовлетворительной, инструктора

убрать, просить ячейку РКП размыслить другого...

Так комсомольцы сами, без посторонней помощи, управились со скверным инструктором.

После этого работа пошла с новым инструктором и дело стало расти. Принялись за оборудование мастерских. За месяц стащили со всех концов, где какой испорченный станок — ребятам все

пригодилось. Клянчили у начальства, зубами вырывали.

Теперь установка почти окончена. Сами на себе подтаскивали части станков в мастерскую, волочили по земле тяжелые чугунные станины и шквива, любовно прилаживали, заколачивали.

Вытянулись в ряд у бревенчатой стены 5 штук станков: пара сверильных, токарный и т. д. Порядочно провозились с установкой трансмиссии. Осталось теперь привернуть последние болты и накинуть ремни.

Недавно пришлось школе выдержать первый серьезный экзамен, выпустили 4-х учеников в производство. Получили они пробу, сдали как следует. С еса ря — по седьмому разряду. И эти бывшие бригады теперь уже на производстве — хорошие рабочие, не хуже старых слесарей.

Остальные 22 учатся. В маленькой комнатке, почти клетушке, овладевают геометрию, черчение, арифметику, физику, русский, технологию металлов, поллитрамоту.

Дружная союственная жизнь выковала сознательную товарищескую дисциплину не из под палки. С новым инструктором коммунистом, т. Шумилиным живут хорошо, по-товарищески.

Недавно подвели фундамент под станки. Подведен твердый фундамент и для всей ученической бригады.

К 7-й годовщине Октябрьской революции закончится установка. Осталось достать только мотор для станков. А мотор для всей школьной жизни, залог будущего успеха в работе, уже готов.

Все двадцать два ученика — комсомольцы.

Автор очерка Ковка Кутенко за сверильным станком.

НА ПЕРЕМЕНКЕ: Забота о про-одежке. Разлаживают 12 пар киричек.

Общий вид рудника „Роман“.

ВОСКРЕСНИК имени Т. РАКОВСКОГО.

Воспоминания Б. ГОРСКОГО.

„ЛОГОВО“.

ИТАК, с трех часов дня 13 октября 1920 года — политпросвет Шахтинского райкома КСМУ.

Когда Губком направил меня туда, я не получил никаких точных указаний, даже как попасть в Шахтино, никто в Губкоме толком не знал. Предупреждали, что это „Логово“ — и баста. Об остальном мне предоставили вволю рассуждать, сидя на бумерах.

С первых же шагов я убедился, что название „Логово“ к Шахтину как нельзя более подходит. Это было в тяжелой 1920 год в испепеленной долгой гражданской войны Донецкой области, когда еще свежи были воспоминания о Деникине и т. д.

На местах работы никакой. В ячейках, где еще остались вывески — склюки, драги. Рабочая молодежь таянулась в Комсомол, но в нашей организации по многих местах верховодила мелкая интеллигенция, конторщики и проч. не без корыстных целей.

Партия Комсомолом интересовалась мало. Да и сама партийная работа была слаба, нередко делалась довольно грубо пречами. При всем этом начал уже чувствоваться недостаток в продовольствии.

Прежде работа у саночников была котормжная.

Казалось, что такие условия должны были бы создать подавленное настроение среди рабочей молодежи. Но на деле было как-раз обратное.

РУКИ ЧЕШУТСЯ. ДАЕШЬ РАБОТУ!

СТОИЛО ПОЯВИТЬСЯ на руднике члену райкома, как он окружился толпой молодежи, которая запыляла единогласно, что здесь, на руднике, все считают себя комсомольцами. Многие рассказывали, как они еще с 1917 года были в Красной Армии, боролись.

Чувствовалось, что достаточно малейшего толчка, и эта масса молодежи хлынет в Союз и утвердится в нем. Нужно было только уметь использовать момент.

И работа райкома дала пышные результаты, которые превзошли самые радужные надежды. Шахтеры шли в Союз массами. Ячейки быстро росли и, вместе с этим, вся работа принимала другой характер. Начали проводиться полит-собеседования, доклады.

Но все это не удовлетворяло молодежь. Сразу после бурных лет гражданской войны, когда, казалось, пальцы еще чувствовали холод ружейных затворов, а в ушах еще раздавалась отдаленная канонада, молодежи казалось, что на лекции или за книжкой она теряет время попусту.

После революции работа саночников обвечена; какотк мелжки по рельсам.

Ребята еще не научились жить и работать в мирной обстановке, им нужно было дело настолько же боевое, настолько же тяжелое и героическое, как и война.

Молодежь была полна энтузиазма, напряженности, жажда чего-нибудь тяжелого, сверхобыденного поста с каждым часом. Нужно было найти благодарное русло, куда бы могла излиться эта волна энтузиазма.

И Комсомола принял решение, которое само собой напрашивалось. Раз военного фронта нет, а есть хозяйственный, значит, в этом направлении нужно сделать собственную комсомольскую вылазку, а если можно, потянуть за собой и рабочих для проведения какой-нибудь ударной, боевой, хозяйственной работы.

Так выросла идея воскресника им. тов. Раковского.

ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ.

ГРАНДИОЗНАЯ УДАЧА, которой кончился воскресник, возможна была только благодаря исключительному энтузиазму и настойчивости рабочей молодежи. На каждом шагу нам вставляли палки в колеса.

Дело двигалось с большими трудностями. Партком, по тогдашней моде, смотрел на нашу затею, как и на всякое комсомольское дело, недоверчиво и свысока. Нам даже было вначале категорически запрещено проводить воскресник. О содействии и говорить не приходилось. Подготовляли мы воскресник к определенному дню, глянь, как снег на голову... воскресник „ребенка“ или еще что-нибудь. И наши воскресники проваливались один за другим.

Теперь понятно, сколько сил, энергии и энтузиазма израсходовала рабочая молодежь, чтобы провести свой воскресник с таким грандиозным успехом. Мы добыли в этот день 30.000 пудов угля. Возможно, что добыча дошла бы и до 40—50 тысяч, но нам отдали только половину, так как провалился был воскресник работники и на многих шахтах для него отбрали часть нашей добычи.

САБОТАЖ.

КОЕ-ГДЕ МЫ ВСТРЕЧАЛИСЬ и с прямыми саботажем. Я помню, с каким небывалым успехом прошло собрание о воскреснике на Петропавловском

руднике. Особенно памятно выступление одного старого, старого рабочего:

— Эй, товарищи! Вон, Митка, Ванька соплива сидят, а им-то уже по двадцать два года, разве не с нами были они под Новочеркасском; давайте и мы им подожжем...

Утро воскресника... Из серой, холодной мрази появились сотни огоньков. Взрагивая, пожевывая от холода, собиравшись шахтеры у под'емной...

Но администрация сама не явилась, не послала заблаговременно в почную смену забойщиков, не назначены были уступы. И, выпустив целый залп ругательств в бога и в мать, шахтеры уныло разбрелось.

Много таких досадных, тягучих „мелочей“ было на пути к созданию этого живого памятника революционной деятельности рабочей молодежи Донбасса.

— Не успел замолкнуть гудок, как морозный воздух прорезала труба горниста. Я выскочил и, с замиранием сердца, зашагал по пустым улочкам рудника. И вдруг... Интернационал. Из клуба им. Карла Маркса вышел оркестр и направился по улицам.

ОЖИЛИ УЛИЦЫ. Ласково скользят по колыхающимся кровавым знаменам косые лучи солнца. Улица сплошь забита народом. Получаем известие, что в „старом здании“ уже начали работать и передали нам, что:

— Порядочно уже подали наверх, а вам, „лодырям“, посылаем кукиш с маслом.

Шахтеры встрепенулись.
— А ну, хватит прохладаться. Пошли!..

„С ВЕТЕРКОМ“.

СТОП. ПОДОШЛИ. Гам, смех... Быстро делятся на группы. Десятники отбирают на под'емную и—вниз. Оркестр играл, играл, а потом:

— Чем же мы хуже других?
Сложили трубы и—айда вниз. Рабочие радостно смеются.

Подошла и моя очередь. Назначают подошибком. Спрашиваю:

— Что же мне делать?
— Лампочки снимать и подвешивать,—отвечает, смеясь, рабочий.

Подхожу со своей группой к под'емной, а один старик подмигнул машинисту и говорит:

— „С ветерком“.
Я не понял, что это значит, и постеснялся спросить. Но зато очень скоро почувствовал „ветерок“.

Медленно исчез последний отблеск дня. И вдруг... келья нырнула вниз. Я инстинктивно схватился за стенку, но келья уже снова летит вверх, а затем вниз. Счастье мое, что свет потух, а то ослепился бы наверняка, такая жалкая рожа у меня была.

Опустились. Я, было, пошел со своей группой, но старший десятник отозвал меня и повел по шахте.

ТУК-ТУК-ТУК-ТУК

ТЕМНО; ЕДВА мелькают лампочки в руках. Идем по рельсам. Все ниже и ниже опускается свод. Камни, скалы мрачно грохочутся. Вот-вот залетят. С

МОБИЛИЗУЕМ ШАХТЫ.

И, ВСЕ ЖЕ, нет худа без добра. Время, которое отгигивали, послужило нам же на пользу. Лучше и вернее была проведена подготовка. Лозунг, который мы выбросили, удалось глубоко внедрить в головы шахтеров. А звучал он, действительно, по боевому:

— Тот недостойн звания члена семьи рабочей молодежи, кто не пойдет на воскресник и не поздравит родных и знакомых!

Каждый комсомолец получил задание и должен был обойти пять—десять домов, привязав к воскресник. Ни один рудник не был оставлен без внимания.

Первый пробный воскресник прошел 22-го ноября на руднике бывш. „Ропит“.

„ПЕРВЫЙ ГУДОК“

КОШМАРНУЮ НОЧЬ пережила. Мне все казалось, что на воскресник никто не пришел, дело провалилось, все смеются, тычут в меня пальцами, гогочут...

Но... мощный гудок разорвал предутреннюю тишину. Все сильней и сильней заливается, зовет юную рать на праздник труда. И кричит и будит:

— Все на работу-у-у-у!..

...То бжом, то на коленях. Устали зриси, но все же ртиво вытискивает кайло...

Загорелась горячка. Быстро двинулись сплошной толпой. Впереди несутся несколько пар, лихо отплясывают под гармошку. Изможденные, серые лица старых шахтеров улыбаются.

А над толпой плывет звонкая молодая песья:

Вставайте юношей мятельных
Объединенные ряды,
Берите в руки с звонкой песней
Кроваво-алые стяги.

непривычки тяжело итти по скользким рельсам. Падаю, отшибаю колени.

Идет по канату порожня, а с другой стороны во весь опор несутся вагоны. Каждый старается побольше выгнуть. Только лампочки мелькают. Десятник ругается:

— От-чортова комса, и старые хрычи тула же: без тормозов несутся, зашибут кого-нибудь...

Нечего греха таить. Некоторые ребята из Райкома, увлеченные порывом, показали себя. Если не ошибаюсь, то

Мишка Коробов — был у нас такой — под дубинку норму вагончиков. И другие лицом в грязь не ударили.

Вот и уступы. Клоака, теплая, удручившая. Бензина нет, лампочки горят на вонючих маслах. Тяжело. Глаза болят.

Быстро скользят по земле белые пятна, это — саночки. Молодые ребята, большей частью комса. Вокруг пояса у них скручена цепь и пропущена между ногами. На руках и коленях котги, они скользят на четвереньках, как ури. Я с трудом различаю их движения, а у них глаза, как у кошки.

Каков должен быть энтузиазм рабочей молодежи, чтобы после недели такого каторжного труда вновь выйти на работу в единственный день отдыха!..

Копытятся пламя лампочки. Едва видна фигура забойщика. То боком, то на коленях. Устаи руки, но все же ритмично, усердно выстукивает кайло. Тук-тук-тук... добывает груды черного золота.

Обернулся к нам, капли пота сбегают по черной копоти лица. Выделяются только седоватые волосы, глаза и зубы. На вид ему лет пятьдесят. А на самом деле только тридцать пять.

У меня мучительно сложилось что то внутри. Он понял, как видно. Говорит: — Теперь еще ничего, восемь часов работаем, а вот раньше... — махнул рукой и отвернулся. А потом из-за плеча добавил:

— Помни, товарищ, как живет наш брат, шахтер...

Мы пошли дальше.

ОТШЕЛ ДЕНЬ воскресника. Вечером собрались в клуб веселые, довольные. Особенно цела молодежь. Старики тоже солидно улыбались:

— Ну, что ж, — говорят, — ежели еще раз придется постараться, мы не откажики...

НА „АУДИЕНЦИИ“ У ПРЕДСОВНАРКОМА.

ЧЕРЕЗ ПАРУ ДНЕЙ мы, в качестве делегатов от Донецкой молодежи, отправились к Христиану Георгиевичу Раковскому. Несмотря на то, что мы оба, т.е. я и тов. Абрамчиков, рабочий рудника бывш. „Родит“, выдвали виды и бывали во многих перепалках, волнуемся необыкновенно. Оба нервничает, но каждый старается виду не показать. Нас мучает вопрос: как это мы, комсомольцы, можно сказать, мальчуганы революции, и вдруг идем с докладом к седому, матерому волку этой революции?

Вновь проверем документы на добывчу, заверенные Центральным Правлением Каменноугольной Промышленности, указы рабочих, резолюции и, наконец, попадем в комнату Предсовнаркома Украины.

Не успели мигнуть, как он поднял нас на воздух и расцеловал в обе щеки.

Это dokonчило наше смущение. Я растерялся, говорю, а мысли сбиваются, путаются, радость так и клещет через край.

Но и тов. Раковский был, пожалуй, не лучше.

Я слышал не раз его выступления. Серьезные и веские, где каждое слово имеет огромный смысл. Но все это было спокойно, деловито, а здесь была какалято мальчишеская, юношеская радость. Начиная от олю, потом сам себя перебивая, спрашивал о другом, а веселая улыбка не сходила с лица.

— Молодежь с нами! — радостно повторил он несколько раз.

„Аудиенция“ наша затянулась, его ждут важные неотложные дела, и мы уже начали подумывать, как бы это благодарно ретироваться. Но не тут-то было. Христиан Георгиевич взял нас за руки, усадил в автомобиль и повез в госоперу на беспартийную конференцию женщин.

С МОЛОДЕЖЬЮ ПОБЕДИМ!

В БУРНЫЕ АППЛОДИСМЕНТЫ встречают товарища Раковского в зале оперы.

Сегодня я хочу поделиться с вами большой радостью...

И снова летит молодое, веселое, огненные фразы. Куда делась серьезность этой страшной для врагов фигуры? С юношеским задором он мечется по сцене, ташит меня вперед:

— Пусть скажет свое слово представитель Донецкой молодежи.

Шум в зале увеличивается до хаоса. Я коротко передал то, что поручили мне рабочие. Передал, что шахтеры Донбасса знают, что от них зависит сейчас скорейшая ликвидация разрухи. Как бы ни были тяжелы условия, рабочая молодежь положит все свои силы для поднятия советского хозяйства. Это не слова, а дело. Докзательство — громадный успех воскресника им. любимейшего вождя рабочей молодежи Украины тов. Раковского...

Казалось, что стены оперы сейчас провалятся от оглушительных аплодисментов.

Затем продолжал свою речь тов. Раковский.

— Нам плохо живется, да... но борьбы мы не бросим. Пусть перед нашими глазами стоит подвиг рабочей молодежи Донбасса. Пусть он нас вдохновляет!..

— Поделаясь с нами последним куском, тогда оживут города, заводы выпустят залпы дыма в небеса, электричество озарит холодные, темные сейчас рабочие жилища. Послет товар в деревню, а оттуда притечет продовольствие. Мы победим! В этом залог — героическая рабочая молодежь шахт и подземелий!..

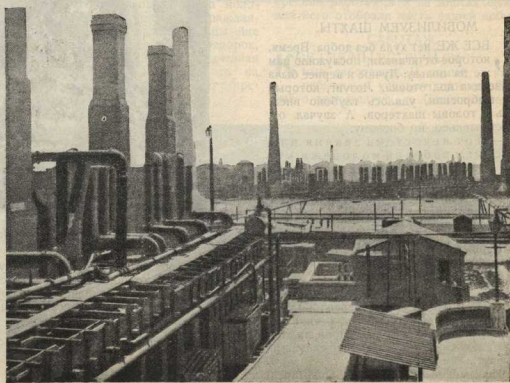
ТОВ. РАКОВСКИЙ помог нам получить все необходимое для работы клубов рабочей молодежи Донбасса. И высказались отношения по учреждению.

Именем Предсовнаркома Украины и Революционного Южфронта тов. Раковского предлагается выдать* и т. д. и т. д.

В то время мы получили около десяти тысяч тетрадей, 250 пудов бумаги для газеты, несколько тысяч карандашей, ручек, игры, необходимые для клубов костюмы, грии, ковры, учебники, несколько библиотек с ценными книгами и т. д.

Нагурили мы эти богатства в вагон, захватили от тов. Раковского письмо к Донецкой молодежи и поехали домой.

Мы поделались даже с Губернским Комитетом. Рабочие радостно встретили письмо тов. Раковского, о комсомольцах и говорить не приходится. Оно стало дорогим для каждого из нас, памято о тяжелых днях разрухи, о героическом натиске Шахтинской молодежи на хозяйственном фронте.

Группа бакинских нефтеобработывающих заводов.
(К очерку „Борьба за нефть“).

БОРЬБА ЗА НЕФТЬ.

ОЧЕРК П. И. ЛОПАТИНА.

1. ОТ ДОМАШНЕЙ ЛАМПЫ ДО КАБИНЕТОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ.

КТО ИЗ НАС не слышал о нефти за последние месяцы и даже годы? Раскройте любую газету, и я, габоко убежден, вы найдете там что-нибудь о нефтяном вопросе.

Мало того. Если внимательно вчитываться во все эти газетные сообщения, если постараться проникнуть в закулисную сторону жизни капиталистических государств, то можно без труда заметить, что на всех многочисленных международных конференциях, во всех конфликтах, а подчас и вооруженных столкновениях — всюду и везде повсюду царит всеобщая паника в нефть. Нефть свертает правительства, зажигает войны и часто даже грозит существованию могущественных, веками создаваемых государств.

— А, ведь, еще так недавно, лет 25—30 тому назад, роль нефти была очень скромна. Из нее приспособили, главным образом, керосин, которым пользовались почти исключительно для освещения ламп и лишь иногда — и то только за границей — для отопления домашних печурок.

Но почему же тогда так быстро переменяется роль нефти, почему за какое-нибудь десятилетие она смело переселилась из скромной домашней лампы в залы международных конференций, в кабинеты капиталистических правительств и крупных банков?

Причина этого волшебного превращения кроется, несомненно, в открытии в начале нашего столетия двигателя внутреннего сгорания.

2. НЕФТЬ ЗАВОЕВЫВАЕТ ВЕСЬ МИР.

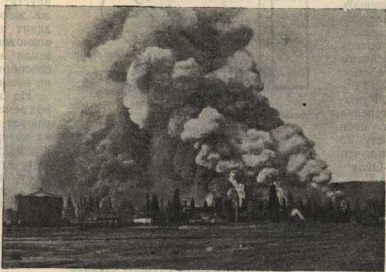
МЫ НЕ БУДЕМ здесь говорить о том, что представляет из себя этот двигатель, как он работает, где и при каких условиях он был изобретен. Постарайтесь дать только несколько фактов и цифр, которые наглядно покажут бы, почему этот двигатель создал нефти ее современное положение.

Сравнительно недавно в промышленности и в транспорте царила паровая машина. А теперь эта «старушка» уже смотрит в могилу. Ее заменяет нефтяной двигатель внутреннего сгорания, работающий на нефти или на пригодных из той же нефти керосине, бензине и нефтяных маслах.

Лет двадцать тому назад основным промышленным топливом был уголь. Теперь он отошел на второй план и его место заняла нефть.

Почему?

Да потому, что прежде всего нефтяной двигатель, по крайней мере, в два раза экономнее парового. При одной и той же мощности он сжигает вдвое меньше топлива, а это имеет немалое

Пожар нефтяных промыслов.

значение в вопросе выбора двигателя. Но это не все. Нефтяной двигатель гораздо легче парового, он не требует для себя громадного, дорого стоящего и тяжелого парового котла и значит, является крайне заманчивым для транспорта.

И, действительно, мы видим, что только что родившийся нефтяной двигатель тотчас же создает авиацию и повсюду царствует в этой молодой, но так много обещающей области транспорта. Этот же двигатель рождает и автомобильное дело, которое заграничей получило самое широкое развитие. Достаточно сказать, что в одной только Америке в настоящее время находится 17 миллионов автомобилей и каждый день из ворот одного только завода Форда выезжает... 10 000 новых машин. Эти цифры нагляднее всего бы то ни было другого говорят о том, какое значение имеет нефтяной двигатель и в сухопутном транспорте.

Почти то же самое можно сказать и о, так называемых, «стационарных установках», т. е. о неподвижных двигателях, установленных на фабриках, заводах, электростанциях. Тут тоже постепенно нефтяной двигатель вытесняет паровую машину.

А если ко всему этому прибавить, что добыча и перевозка нефти гораздо экономнее добычи и перевозки угля, то станет ясным, что нефть свертает с, казалось бы, незблемого трона каменный уголь и паровую машину и быстро и властно завоевывает весь мир.

3. АМЕРИКАНСКАЯ «ОХОТА ЗА ДИКОЙ КОШКОЙ».

ВПЛОТЬ до последних лет, в течение более полувека, разработка нефти являлась по преимуществу американской промышленностью. Там она была найдена впервые и, как только выяснилось ее громадное значение — выдвинулась в Америке «нефтяная горячка». Десятки тысяч предприимчивых американцев бросились в разные уголки своего материка «охотиться за дикой кошкой», как прозвали они поиски нефти.

А охота эта была далеко не из легких. Надо сказать, что нефть добывается из глубоких колодезь, которые пробуривают иногда до глубины $1\frac{1}{2}$ —2 верст. И вот, обычно, из 100 бурений 98 будут безрезультатными. Но зато те два процента, которые сопровождаются успехом, дарят счастливым громадное состояние.

Но главная трудность все-таки не в отыскании месторождения нефти, а в перевозке ее. Так как чаще всего нефтяные фонтаны пробивались в пустынных областях, то доставка ее к центрам потребления была связана с крупнейшими затруднениями.

Но вот, у американцев появилась смелая идея. Они проложили «трубопроводы» — громадные железные трубы, — по которым нефть текла, как река, в необъятные резервуары вблизи нефтеисточительных заводов, откуда тысячи нефтяных вагонов и паровозов развозили ее по всему миру в распоряжение транспорта и промышленности.

Деньги американских банкиров сумели создать всю эту мощную систему трубопроводов, насосов, вагонов, резервуаров и организовать грандиозный нефтяной трест — «Стандарт-Ойл». Во главе этого треста стоит известный богатый Рокфеллер.

4. БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В ОПАСНОСТИ.

ЭТО ГОСПОДСТВО Америки на нефтяном рынке сильно тревожило капиталистические и, главным образом, военные круги Англии. Ведь, все торговое и военное господство Англии основано только на ее морском превосходстве. Она создала себе громадный торговый и военный флот, а, главным образом, сумела раскинуть на всех мировых морских путях свои собственные угольные станции, так что ни одно судно не могло пересечь океан без ее разрешения.

Но вот, появился нефтяной двигатель. Выяснилось, что морской флот неминуемо должен перейти на нефтяное топливо, потому что это — несравненно выгоднее и дешевле. И, как на зло, Англия — эта «вадьяница морей» — совсем не имела в своем распоряжении запасов нефти.

Военная безопасность и торговое господство Англии очутились под угрозой, и американская нефть в машинных отделениях кораблей мирового флота казалась уже ей концом Британской империи.

5. АНГЛИЙСКАЯ КОНТР-АТАКА.

НО АНГЛИЧАНЕ не растерялись и, не теряя ни минуты, начали свою контр-атаку. Они повели ее умело и тихо — так, чтобы не возбудить подозрения могущественного «Стандарт-Ойл».

В самом начале образовалось небольшое скромное общество—«Шелль-Транспорт», которое официально занялось таким безобидным делом, как торгцией перламутровыми морскими раковинами. Но постепенно оно начало обращать внимание на нефть. В него вливались капиталы английского богача Ротшильда, а его инженеры рассеиваются в поисках нефти по Индии, Цейлону, Малайским островам, Северному Китаю, Сиаму. Оно приобретает большие нефтяные богатства в Голландской Индии, в Румынии и у нас на Кавказе. Постепенно «Шелль-Транспорт» простирает свои цулапы по всему Старому Свету, но делать это так ловко и незаметно, что упоминать его могуществом, «Стандарт-Ойл», американцы не замечают этого.

А Англия идет еще дальше. Она прокладывает теперь в самую Америку, приобретая нефтяные богатства Мексики. Там работает английское общество «Мексикан-Игл», которое, подкупая банда мексиканских генералов, при помощи их всеми мерами мешает развитию и работе находящихся тут же в Мексике американских нефтяных компаний.

А «наряду с этим» ширится и развивается деятельность голландского нефтяного треста—«Рояль-Дейтч»,—который энергично скупает нефтяные промыслы в тех местах, где еще не бывали первые два английских треста.

С первого взгляда казалось, что эти три общества конкурируют друг с другом, и американцы были спокойны. Но в марте 1920 г., как гром с ясного неба, обрушилась на Америку беззащитное и дерзкое сообщение из Лондона. Руководители нефтяного дела Англии сообщали, что эти три общества—далеко не конкуренты. Наоборот, они соединяются в единый нефтяной трест, который объявляет решительную войну американскому «Стандарт-Ойл». И тут же с цифрами в руках доказывалось, что победа в этой борьбе несомненно должна остаться за Англией.

И, действительно, запасов «Стандарт-Ойл», при том бешеном потреблении нефти, которое происходит сейчас в Америке, хватит на 18 лет, а запасов англо-голландского треста—лет на 200—250.

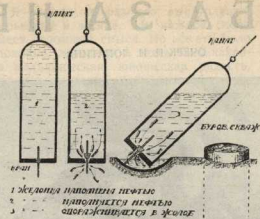
И отсюда ясно, что очень скоро Америка окажется в полной зависимости от Англии и ежегодно будет принуждена выплачивать Англии миллиарды долларов, большая часть которых пойдет в карманы английских капиталистов.

Так блестяще кончилась «кровать» контр-атака англичан, одним из руководителей которой был небезызвестный нам лорд Керзон.

Ясно, что этим мировая борьба за нефть не кончится. Ясно, что американские капиталисты не помирятся со своим зависимым от Англии положением и как то попытаются исправить его.

Но как?

Ответ на это—в грандиозном размахе

Добытие нефти из буровой скважины с помощью желонки.

работ Эджевудского арсенала, в невиданных размерах вырабатывающего удручающие газы; во многих сотнях миллионов долларов, отпускаемых военному министерству; в чудовищных орудиях, подводных лодках и дрейфботах, строящихся на американских военных заводах.

Нараздается ужасная война, в которой Рокфеллер кровью рабочих попытается разрешить свой спор с Англией. Ближайшее время, когда из-за безобидной еще так недавно нефти прольется море крови.

6. КАК ДОБЫВАЕТСЯ НЕФТЬ?

НО ЧТО ЖЕ такое представляет из себя эта нефть? Как это ни странно, но до сих пор ученые не могут дать точного и определенного ответа на этот вопрос. Одни говорят, что нефть, это—остатки животных и растений, под землей превратившихся в эту темную жидкость, другие утверждают, что это—соединение воды и окиси металла, но достоверно все-таки никто не может определить происхождение нефти.

Так или иначе—нефть представляет из себя маслянистую жидкость темно-зеленого или грязно-красного цвета и залегает обыкновенно глубоко в земле, пропитывая собою слои песка и собираясь в трещинах горных пластов.

Мы уже говорили, что нефть, обычно добывается из глубоких «буровых скважин»—узких колодезь, в которые устанавливаются скрепленные вместе железные трубы.

Вот в этот-то узкий колодезь и спускают на канате так называемую «желонку»—длинный, узкий цилиндр, вешающий в себе пудов 25—30 нефти.

Дно ее снабжено особым клапаном, очень напоминающим наш обычный рукомыльник. Стоит желонка спуститься до дна нефтяной скважины и ударится о него—и клапан от удара откроется и впуслит в желонку нефть. При подеме же желонки, находящейся в ней нефть давит на клапан, который не дает ей возможности вылиться. На поверхности земли желонка опорожняется тем же способом, как и наполняется—нажатием на нижний клапан.

Но иногда нефть, залегающая глубоко под землей, и образует газы, которые стараются тем или иным путем выбраться на поверхность. И вот, когда в этом им помогает человек, буря скважины, газы эти, вырываясь по скважине наружу, увлекают с собой и нефть, которая громадным фонтаном бьет из земли.

Первым такой фонтан забил у нас в России в 1873 году из первой же опущенной скважины и выбросил сразу несколько миллионов пудов нефти.

7. ПЕРЕРАБОТКА НЕФТИ.

НО ДОБЫЧЕЙ НЕФТИ далеко не ограничивается нефтяная промышленность. Она вырабатывает ее, получая при этом целый ряд более ценных продуктов, чем сама нефть.

Переработка эта производится на особых перегонных заводах, где кипящая нефть проходит через целый ряд кубов, расположенных в виде уступов так, что каждый предшлющий куб лежит на 5—10 вершков выше последующего.

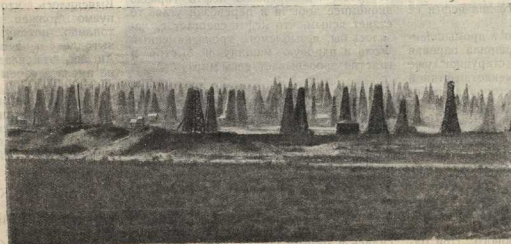
Вся сущность этой обработки состоит в том, что кипящая нефть, проходя по этим сосудам, в каждом из них отдает часть своих паров, которые потом охлаждаются и последовательно превращаются: в бензин, керосин, мазут, смазочные масла и тудр.

8. НАШИ СИЛЫ В МИРОВОЙ БОРЬБЕ ЗА НЕФТЬ.

НО КАКОВЫ ЖЕ наши нефтяные богатства? Пока что на первом месте по добыче нефти стояла Америка, а второе место занимала Россия. Но война и хозяйственная разруха сильно ударили по нашей нефтяной промышленности, и мы принуждены были уступить наше второе место Мексике, где работала уже знакомая нам английская компания «Мексикан-Игл».

1920 год был самым тяжелым годом для русской нефтяной промышленности.

Снегочинистая зима опустошила нашу добычу. И вот этот факт возрожления вместе с громадными запасами русской нефти говорит за то, что в развертывающейся в настоящее время жестокой борьбе за нефть наш Союз будет занимать независимое положение, спокойно ожидая того момента, когда мировая революция справедливо распределит мировые запасы нефти среди всех народов мира.

Общий вид Бакинских нефтяных промыслов.

ОСНОВЫ НАШЕГО ОБУЧЕНИЯ.

Статья Л. БРАГИНСКОГО. Снимки ЦИТа.

КАМПАНИЯ ЗА
повышение производительности труда

поднять сейчас всеми руководящими органами СССР. Дело не просто в том, чтобы сейчас, на ближайшие месяцы, поднять производительность: смысл всей кампании в том, что необходим такой

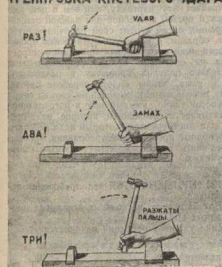
режим

на заводе, который бы обуславливал непрерывный рост производства. А раз так, то одним из самых важных вопросов этого режима становится вопрос воспитания рабочего состава предприятий.

В самом деле, дать высокую производительность, это значит—дать работу и точную скорую.

Скорость работы и, в значительной степени, точность, добывается только правильными,

ТРЕНИРОВКА КИСТЕВОГО УДАРА

наиболее экономными приемами работы и хорошей организацией ее. Но чтобы овладеть и правильными приемами, и организацией—необходимо особо воспитывать рабочих, так как старый рабочий, как бы он ни ждал этого, все же не сумеет их усвоить как следует на все 100%. Слишком много значит старый горб, а на старости лет трудно переучиваться.

К тому же, нам нужен не только рабочий, который бы точно и быстро работал, но который сумел бы свою работу утончить и ускорить. Таким образом, рабочий нашего советского производства должен быть особо воспитанным: постоянно

настороженный

и полуавтоматически действующий. У него непрерывное волевое напряжение в работе, особое

упорство

—нужно сделать лучше и я сумею еще лучше сделать—вот как должен думать и делать такой рабочий, какой нам нужен теперь. И если бы нам такого рабочего удалось создать—мы бы создали величайшее в мире производство, имеющее в себе все залатой дальнейшего бесконечного развития.

Итак, вопрос о подготовке рабочих становится не только основным, но и чрезвычайно ответственным: мало просто принять старые способы обучения, так как они совершенно не учитывают этой организационной стороны дела.

II.

ПРЕЖДЕ ВСЕГО остановимся на обучении на самом заводе, в цехе, которое часто практикуется до сих пор. Пустить ученика на завод учиться, это значит—ставить его под обстрел тех, кто ему будет

мешать

и не давать ни одного достаточно умелого помощника в трудном деле обучения.

До сих пор на заводе длится еще

старство „секретов“,

когда отдельные рабочие знают отдельные технические „секреты“, один—правильную заточку резака, другой—особые способы кадки и т. д., и ни за какое вознаграждение не выдают этих „секретов“ своим ученикам. Недаром в свое время и „Правда“ нововос предложение разрешить рабочим на предприятиях бесплатно обучать своих детей, приставить ученика к своему отцу или родственнику по той причине, что старые, квалифицированные рабочие не передают своих „секретов“ ученикам.

А этим „секретам“, в сущности, гробить дела: огромное количество из них давно известно в книжках, и ученик при правильном обучении может и сам овладеть делом. Дальше—при всем желании дать ученику добросовестно все умение, рабочий на заводе этого сделать не может: ему необходимо работать, к тому же он далеко не всегда, вернее, очень редко, обладает достаточноими педагогическими способностями.

не педагогическими способностями.

Рис. 2.

Упрощения с молотком.

Да и сам ученик, поставленный непосредственно к станку, оглушенный шумом, загроможденный огромным количеством станков, рабочих, безупречных трансмиссий, не может сосредоточиться и получить достаточно быструю тренировку. В результате—ученик превращается в подручного, полагает инструмент и делает другие подобные работы, не имеющие прямого отношения к тому, что он изучает. И, наконец, самое основное—где же, у какого рабочего в цеху—в современном, нашем советском цеху—можно научиться правильными приемами, можно научиться

продумывать

свою работу и постоянно ее улучшать. Где научиться

дисциплине,

когда больше $\frac{1}{4}$ времени ученика уходит на „розовство“, которое, в сущности, является его обязанностью в цехе.

— Ванька, приглядывайся...

Обучение в школе много лучше: там можно создать определенные

организационный режим

там можно дать ученику такую работу, которая требуется для его обучения, а не для производительности цеха, там можно сосредоточить специальных инструкторов и т. д.

III.

ВОТ ТРИ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЯ, на которые должны опираться всякие новые методы обучения:

1) Пора окончательно покончить с тем, чтобы ученику давать с самого начала его обучение исполнять како-нибудь цельные вещи, или хотя бы даже часть работы над целой вещью. Прежде всего, натуральная работа всегда достаточно

сложна и трудна

для неубоченного ученика, как бы она ни была проста. Дальше: увеличась изготовляем слом

Рис. 1.

Трудовая гимнастика.

вещи, ученик терпит из виду цель обучения; вместо того, чтобы постоянно получать

твердый рабочий навык,

ученик стремится сделать вещь поскорее потому что ему хочется

показать

скорее другим изготовленную „им самим“ вещь, он стремится дать ее похвалить, чтобы на первый взгляд она произвела впечатление, и из-за этой

„аккуратности“

работы терять точность

ее. Это только удлиняет срок обучения—такой способ обучения не воспитывает в ученике выдержки в работе. Наоборот, калечит тех, кто уже обладает некоторыми зачатками этой выдержки. Ребята изучают не то,

как

производится вещь, какими операциями и движениями, а то,

для чего

она предназначается, для чего ее будут использовать.

А надо строить обучение так, чтобы ученик приходил,

к сложным группам обработок от

простых,

к вещи—от ее деталей. Тогда он научится видеть,

Рис. 3.

Обучение ковки.

ПРАВИЛЬНАЯ УСТАНОВКА НОГ

Рис. 4.

вернее, чувствовать, всеми своими мышцами, которыми он работает, в каждой операции—сے отдельные части, в каждой вещи—сے операции. Только тогда он легко может поставить себе вопросы, как

уточнить и ускорить

отдельные приемы, как

заменишь

одни приемы другими, как создать специальные

приспособления

для улучшения приемов работы; наконец, ученик получает необходимые навыки для того, чтобы стать изобретателем в своей работе. Потому что ясно видеть свою работу, шаг за шагом—это значит: ясно понимать, что делается;

своим движением похода на работу кузнеца и клещадки: все они должны ударять, давать меткость и силу удара.

Центральный Институт Труда (ЦИТ) с самого начала своей работы заметил, что огромное большинство

ручных обработочных

операций можно разделить на две группы:

ударную

и нажимную.

Первая группа включает в себя все операции, когда приходится ударять, давая большую меткость и сравнительно большую силу удара; типичной операцией ударной группы является рубка зубилом. Нажимная группа—это такая, где обработка происходит не ударами, а непрерывным нажимом, например: шлифовка металла шлифовальником. Если это учесть, то легко сначала обучить всем элементам, которые общи всем ударным операциям и всем нажимным; потом только давать специальному тренировку отдельных видов ударной и т. д.

Те же самые ударные и нажимные движения имеются и в старояром деле: резка стамеской, долотом, топором—это ударные операции; стружка, резка всякими пилами—нажимные. Если тренировку удар по металлу объединить так или иначе с ударом по дереву, а нажим по металлу—с нажимом по дереву, или работу металлообработочных станков с работой соответствующих станков по дереву—мы этим окончательно закрепим в психологии ученика

производительную,

а не потребительскую точку зрения; ученик увидит за izdelaniem приема, а не то, на что изделие использовать: разные вещи из разного

Дальнейшее обучение должно поддерживать и развивать ту тренировку, которая была дана в первые месяцы.

Если для этих первых месяцев нами выдвинуто требование—делать не вещи, а тренироваться в отдельных деталях и операциях,—то и в дальнейшем надо подходить к вещи постепенно: сначала осваивать отдельные операции в

группы

по 2, 3, 5 и т. д., хотя бы эти операции были недостаточны, чтобы дать столько вещей, но даже делать. Постепенно расширяя, переходим к

деланию деталей,

и затем,—к изготовлению целой

вещи.

Но и все это время должно происходить

разделение работы на операции: сначала ученик вместе с заданием должен получить и точный чертеж и карточку, на которой был бы написан перечень тех операций и, которые надо сделать, чтобы задание выполнить, с отдельным описанием каждой операции, с указанием инструмента и приспособлений. Затем, по мере того, как работа становится сложнее, ученик начинает

сам

помогать составлять эту карточку: сначала намечает сам только

основные операции,

а инструктор располагает их в необходимом порядке. В конце, примерно второго года обучения, перед тем как идти в производство, ученик уже сам составляет эту карточку; при этом в ней уже отмечается и время, потребное для каждой отдельной операции, а сам чертит свой рабочий чертеж.

Таким образом, и здесь все тренировка призвана строго производительным принципом: строго разделение на операции. Если в первый период ученик только получил привычку к разделению работы, к тому, чтобы вникать в работу работы, а не вещь, использование, то здесь он уже не сам дсе, самостоятельно, каждый шаг в изготовлении вещи связывает с движением, которое надо произвести, и с инструментом, которым надо работать.

Вот основные программные требования, которые надо предъявить к современному производительному обучению.

IV.

КАК ЖЕ ПРИМЕНЯЮТСЯ эти требования на практике?

Вот описание нескольких отдельных программ, данных ЦИТом.

Обучение ударных операций начинается

общее-ударной тренировки,

которая делается так:

Начинаем с трудовой гимнастики, т. е. специальных упражнений, заключающих в себе движения, совершаемые при рубке, но не с молотком, а с гимнастическими аппаратами (рис. 1). Эта гимнастика, более легкая, чем упражнения с

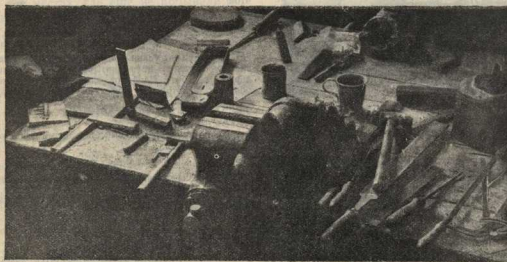

Рис. 5. Гравий верстак. Не той-ли!

а ясно понимать—это значит: иметь возможность улучшить.

2) Новые методы обучения должны учесть те

правильные приемы

работы, хватки инструментов, стойки и т. д., которые имеются в данное время. Это создает привычку к этим приемам. Какое большое значение имеют правильные способы работы, показывает пример школы одного из американских заводов.

Вот что они пишут:

В нашем огромном отделении было занято 2.000 человек. Две комиссии выдающихся инженеров, обследовавших производственные возможности отделения, пришли к заключению, что наибольший возможный выход отделению—15.000 готовых трубок в день при двух сменах. Путем основательной тренировки работников мы достигли среднего выхода в 38.000 трубок в день при одной смене!

Вместе с повышением производительности, правильные приемы важны в школе и потому, что ученик научается обращать на них внимание и задумывается о дальнейшем улучшении. Такой ученик—настоящий

пионер

в предприятии, где он будет работать в качестве рабочего.

И, наконец, третье, весьма существенное условие. Надо создавать метод так, чтобы трудовые навыки, приобретенные на одной какой-нибудь работе, облегчались бы обучением другим работам, лежащим на эту. Например, работа рубщика по

материала—дерево, медь, сталь—с разным потребительским назначением—обработывается одной и той же группой приемов; сходные вещи могут оказываться разными по приемам, которыми они сделаны, и ученик научится в них видеть разные вещи. Словом, ученик приучается оценивать те д а в ж е и я в и, которые надо произвести, тот инструмент, который надо взять, то рабочее место, за которое надо встать, чтобы вещь сделать, а не ту ценность, которую вещь имеет.

При такой точке зрения становится незаменимым, что теперь считается важным: фигурная «аккуратная» отделка вещи, красивая шпайровка, покрытие лаком—все это, что характеризует к у с т а р ы й, зато на первый план выступает то, что есть и скоро у ст а т ь обработкой—то, что характеризует современное

точное машиностроение.

III.

ТАК ДОЛЖНЫ ПРОХОДИТЬ первые дни и месяцы обучения. Это самое важное время в обучении: как ученик пошел и в течение всей своей жизни и если пошел неправильно, то «горбатого могила исправит». Если ученик получил правильную установку в первые месяцы обучения и после этого бросил школу,—он выбьется на дорогу и сам; если преподаватель испортил ему эти первые дни,—только с огромным трудом ему удастся кой в чем поправить себя.

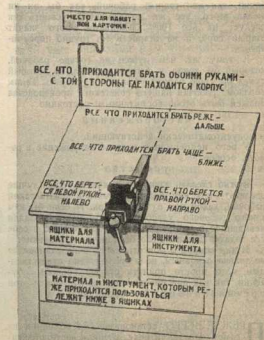
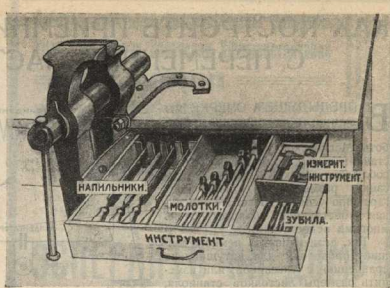

Рис. 6. Правильное расположение инструмента.

ПОРЯДОК В РАБОЧЕМ ЯЩИКЕ—ТОЖЕ УСЛОВИЕ НОРМАЛЬНОГО ТРУДОВОГО РЕЖИМА.

СЛЕВА: Обычный вид ящика; инструменты в беспорядке. СПРАВА: Ящик в порядке—работа идет скорее и лучше.

молотком. В руке зажата палка, и ученик, при совершенно спокойной руке, работает только кистью, отбывая ее вниз и вверх. Этим развивается кисть, которая в ударном движении играет огромную роль. Потом производится с той же брусом тренировка предельча (ложковой удар), потом всей рукой (палечной удар).

Этим заканчивается трудовая гимнастика.

Затем переходим к упражнениям с молотком. Повторяем все упражнения трудовой гимнастики, но на особом аппарате, где вводится опора для руки, и деревянная наковальня для удара (рис. 2).

При этой тренировке обращается очень большое внимание на правильную установку ног и корпуса:

под ноги дается специальная подставка, где шариковое положение ног при правильной установке (рис. 4).

Затем на тех же аппаратах, теми же движениями тренируются последовательно темп удара, меткость и сила.

Дальше тренировка идет различно, в зависимости от того, чему ученик обучается: для ковки—одна программа, для рубки—другая, для клепок—третья.

Опилковка—одна из самых трудных ручных слесарных операций. Трудность опилковки заключается не в сложности движения, а в трудности согласования движений правой и левой руки. Надо дать строго параллельное движение напильником, при этом давить руками на пилу, с тем, чтобы она редела металл, снимала стружку, но совершенно равномерным слоем, давая плоскость.

В общедневной, будничной жизни у нас не встречается таких движений, и мы лишь с трудом к ним приучаемся.

Надо тренировать эти движения так, чтобы постепенно приучаться к этому согласованно усиленной работе рук.

Вместе с напильником даем ученику длинную обогнутую пилку с рукояткой напильника на одном конце, и заставляем его двигать этой пилкой по двум поперечным, которые дают опору для «напильника». Постепенно опора для «напильника» суживается и работа усложняется. Наконец, опора дается шириной в 1 дюйм и ученик должен научиться и при этом не давать зазоров (они являются особыми вращающимися частями аппарата, в которые ученик не должен попадать своим «напильником»).

После этого переходим на настоящий драчевый напильник, на опилковку дерева вдоль волокон, начиная с 6-ти-дюймового куска дерева, потом уменьшая до полутора-дюймовой и дюймовой ширины, а потом переходим к опилковке железа, сначала узкого куска, потом широкого. Обработка плоскости, затем личным напильником точная обработка плоскости, потом точная обработка прямого угла, потом точная обработка толщину пластики и т. д.

Все это обучение занимает в общей сложности около семидесяти часов.

По такой же программе разработаны целый ряд других операций: ковка, клепка, притирка ци-

линдрических поверхностей, шабровка плоских и полукруглых поверхностей, сверление вручную, нарезка болтов и гаек и т. п., при чем все ударные операции выполняются на предварительную ударную наковальню; поэтому время, занимаемое ими, чрезвычайно невелико. В течение трех месяцев удается дать владение всеми ручными слесарными операциями, доводя их до той же точности исполнения, как у равных слесарей, 3,7 разряда. Конечно, это еще не совсем слесари, у них нет стала изготовления вещей, они знакомы только с операциями. Однако, основы заложены достаточно крепко, настолько крепко, что ряд фабричских, ведущих первые месяцы обучения по этому методу, начинают говорить о сведении срока школы ФЗУ с 4х до 3х лет, т.-е. до одного года в учебной мастерской.

V.

В МЕСТЕ С ПРОГРАММОЙ продумана и вся обстановка обучения. При этом преследуются две цели: с одной стороны, оставить обучение так, чтобы оно происходило в возможно более благоприятных условиях, с другой—и это самое важное—приучить ученика к определенной режимной организации своей работы («рабочая выдержка»).

Каждодневные занятия гимнастикой до работы, особый подбор упражнений, имеющий целью дать заряд для работы и после работы упражнения, имеющие целью разогнать усталость онемевших не работающих частей тела, исправлять

профессиональную предность работы и др.; частая смена труда и отдыха, при чем труд у рабочего места, а отдых в специальных кабинетах в определенных расстояниях от верстака; запрещенные курить во время работы—все это приучает к ровной, выдержанной работе, работе без «запаса» и «срыва», создает у ученика определенное умение пользоваться

техникой работоспособности.

Правильная организация рабочего места, высота верстака, правильное расположение инструмента и приспособлений на верстаке, регулярная чистка своего верстака до работы и после работы дает понимание

техники производственности.

Наконец, массовая работа под командо, когда движения заданы четко и точно, когда справа и слева соседи делают то же самое движение в тот же темп, и ученик, если изменит темп, задержит этим всю свою группу, испортит коллективную работу—воспитывает

дисциплину.

ВОТ ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ в методах профессионального образования, выданные ШИТОМ и принятые недавно на конференции по профобразованию.

Основная линия здесь ясна. Остается только разработать отдельные поправки к ней. Тут необходимо, помимо исследований, которые производятся на курсах ШИТОМ, самое широкое участие и заинтересованность инструкторов школ ФЗУ, работающих по программе ШИТА.

Всю инициативу, проявляемую на местах, приходится только приветствовать, и чем ее будет больше, тем совершеннее будут методы и программы.

ПОСЛЕ НЕСКОЛЬКИХ МИНУТ РАБОТЫ

Рис. 9.

Частая смена труда и отдыха, причем труд у рабочего места, а отдых на специальных табуретах, на определенном расстоянии от верстака—все это приучает к ровной, выдержанной работе.

НЕСКОЛЬКО МИНУТ ОТДЫХА

КАК ПОСТРОИТЬ ПРИЕМНИК С ПЕРЕМЕННОЙ НАСТРОЙКОЙ.

Я. Ф. Чертежи АВТОРА.

В ПРЕДЫДУЩЕМ ОЧЕРКЕ мы дали читателям описание приемника, служащего для приема работы Московской радиотелефонной станции имени Коминтерна. Точное соблюдение всех, указанных в описании, размеров и деталей, дает гарантию успеха, но все же описанная конструкция обладает очень многими недостатками.

Так, если изменить немного толщину проволоки для катушки, по сравнению с указанной, или изменить размеры листочков станиола, то сразу же слышимость станет менее чистой и отчетливой.

Это неудобство может быть устранено, если нам удастся построить приемник с переменной настройкой.

При помощи этого приемника можно слушать работу не только одной радиостанции, а нескольких. Это имеет тем большее значение, что в настоящее время в Москве, кроме радиотелефонной станции имени Коминтерна, ежедневно с 6 до 7 $\frac{1}{2}$ часов вечера ведет свою работу по передаче Сокольнической военной радиотелефонной станции.

Для того, чтобы устроить приемник с переменной настройкой, нужно вместо катушки, использованной для приема радиотелефонной станции имени Коминтерна, ввести другую катушку, у которой было бы легко по желанию менять число включенных витков.

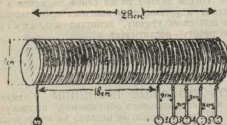

Рис. 1. Вид трубки с обмоткой.

Такую катушку не трудно сделать. Для этого нужно изготовить трубку из картона или нескольких проклеенных листов толстой бумаги (См. рис. 1). Диаметр (поперечник) этой трубки должен иметь семь сантиметров, длиной она должна быть в 28 сантиметров. Трубку эту нужно хорошо пропитать парафином или воском, после чего наматывать на нее ровно и аккуратно, один возле другого, ряд витков из звонкового провода (сечение провода 0,45 миллиметра). Общая длина наматываемого провода должна быть около сорока метров, так что надо сделать около 180 витков. При намотке нужно сделать следующее:

Обмотав трубку на восемнадцать сантиметров, провод отводится от трубки и закрепляется у штепсельного гнезда, устраиваемого на доске, на которой располагается весь приемник (рис. 2). Укрепив провод у штепсельного гнезда (провод разрывав не нужно), продолжаем наматывать, при чем через каждые два сантиметра делаем отводы, подобные описанному. В общем, выводы провода

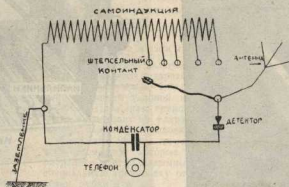

Рис. 2. Схема соединения приемника.

делаются через 18, 20, 22, 24 и 28 сантиметров от начала намотки. Таким образом, вся катушка делится на пять секций.

Для настройки приемника вводят в то или иное гнездо штепсельный контакт, укрепляемый, как показано на чертеже (2). Для того, чтобы слушать Сокольническую радиостанцию, нужно поочередно вставлять штепсель в первые три гнезда, пробуя, где самая лучшая слышимость. Чтобы слушать станцию имени Коминтерна, нужно использовать четвертый и пятый контакты.

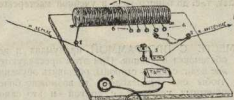

Рис. 3. Монтажка приемника на доске.

Все остальные части приемника: конденсатор, детектор, антенна, заземление и телефон устрояются, как рассказано в предыдущей статье. Соединяют их так, как показано на рис. 2 и 3.

Следует добавить, что вместо трубки для катушки длиной в 28 сантиметров можно ее сделать длиной в семь сантиметров, намотав на нее четыре ряда витков. Каждый ряд витков нужно заливать тонким слоем парафина. Начиная с второго витка, нужно каждый 10-й виток включать в штепсельное гнездо. Тогда приемник получится гораздо более компактным.

В этом виде приемник можно весь поместить в ящик размерами 10×14×10 сантиметров. При этом провода отводятся к контактным гнездам, устроенным на крышке ящика, на которой помещается также детектор и зажимы для антенны, заземления и телефона (рис. 4).

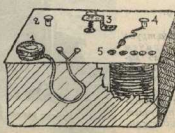

Рис. 4. Окончательный вид приемника в ящике.

К очерку тов. Кудашева.

В этом номере мы печатаем очерк тов. Кудашева «Сема на канькулах».

«...Не успели мы слать его в набор, как было получено из деревни письмо:

Тов. Кудашев!

Наши дела идут плохо, но мы работаем с энергией. Дело вот в чем. После твоего отъезда мы артелью заключили договор на мельницу и просоушку. Сельсовет договора заверил, а выполнению не заверил и не дал мотивов, почему не заверил. На то дело, на которое хотел заверить договор, была выслотая с/зда. На новость эта стоял вопрос об отчете Березовского ВИК'а. Бюрою на с/езде выслакала насчет уменьшения в нашей артели. Члены ВИК'а отнеслись как-то не каяво, отогнали наши зарпор до 10-ти часов вечера, так и не пришли говорить. Через несколько дней к нам приехал Абрамов (пред. ВИК'а) с каким-то человеком и вынуждает сделать домик. Мы спросили, для чего это. Абрамов ответил, что его хотят сломать и продать, — и спросил: может быть вы его купите. Потом идут в сад. Метят астры. Мы спросили, — зачем. На что Абрамов ответил: «Плохо». Потом Абрамов спросил: какие деньги, которые вы нам дали на ремонт школы. Михайлин (член ячейки РИКСМ) ответил: — мы их потратили на ремонт школы». Мы вас не просили, мы бы сами сделали», ответил Абрамов. Мы тогда спросили про все, нам по возможности или же, если можно, приехать самому.

С коммунистическим приветом:

Отв. Секретарь Яучков.

Член Бюро — Михайлин.

19 сентября 1924 г.

Через неделю после получения т. Кудашевым этого письма в Москву приехали два крестьянина с ходатайством перед центром о разрешении при артели широкого участия в работе и других дел. Исполкомы дали ответ. Решили крестьян, вместе с тов. Кудашевым, направить к Надежде Константиновне Крупуской. Н. К. Крупуская приняла крестьян, расспросила, как работают кооперативы, комитеты взаимопомощи, отомог с уязвимой помощью на крестьян, сказала:

«...Да, это хорошее дело, нужно помочь. Я помню к вам, в Россию, приехала американка. Была в наших русских деревнях. После она мне говорила, что плохо у вас русских деревнях. У нас в Америке в каждой деревне разит какой-нибудь промысел. Она была, когда еще был жив Владимир Ильич. Владимир Ильич мне говорит: «...Ты распусти паровозов, как у них в Америке?»

После Надежда Константиновна просила крестьян зайти на другой день и обещала договориться с кем нужно.

Крестьяне были очень рады, видя хороший прием Надежды Константиновны и такое отношение к их делу.

На другой день Надежда Константиновна написала две записки в ВСНХ Одну — тов. Радечному — члену Президиума ВСНХ, РСФСР, а другую тов. Радечному в отделе профессионального образования.

В первой говорилось:

«И. И. Радечному, посылаю Вам крестьян, по поводу которых говорю с Вами председателем. Распространите пожалуйста им в их деле».

Во второй:

«...Мне кажется, надо вскачки поддержать инициативу крестьян села Кудринского — сделать мастерскую, такую же, как у вас в Америке, напротив — мастерская будет развешена в новый, очень красивый тип профессиональной школы».

Она была просила поддержать пани крестьян села Кудринского и помочь им сделать дело. По ее совету мы хотим сделать жилище и ил и ил и тип школы, мы должны поддержать такую инициативу. Конечно, это примитивно, но кавая в этом беда! Крестьяне расскажут Вам подробно о своем деле».

Н. Крупуская.

Тов. Радечному высладала крестьян и сделала распоряжение в Разанский Губсовнархоз, чтобы с получением его зарегистрировать устав Кудринской Промысловой Артели и не считать препятствием слова: «С учредительным уставом Кудринской Промысловой Артели». Мы должны, чтобы в срочном порядке Разанский Губсовнархоз через Губисполком добился передачи мельницы и инструментов, которые остались после ликвидации мелочных мастерских в с. с. Давыдовском уезде, Кудринской Промысловой Кооперативной Артели мастерских по с. с. оборудованию с учебным уклоном.

Редакция.

ВСЕМ ячеек Комсомола, школам фабзавуча,
клубам и библиотекам.
ДОСТИГНУТО ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ УДЕШЕВЛЕНИЕ
„С М Е Н Ы“.

НОВЫЕ ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ.

на 1 месн. 50 коп. ⊕ на 3 месца. 1 р. 35 к.
ЦЕНА НОМЕРА в розничной продаже — 30 коп.

Шире развертывайте кампанию по вербовке новых подписчиков „СМЕНИ“! Каждый корреспондент „Смены“, каждый комсомолец, каждый фабзавучинец должен принять участие в кампании по сбору комплекта со „Сменой“ широкой массы рабочих ребят, в агитации за „Смену“, в работе по вербовке новых подписчиков.

Склад Ветеринарного Снабжения
НАРКОМЗЕМА.

Москва, Старая площадь, дом 5/8 Телефон 2-18-14 доб. 73.

ОТПУСКАЕТ

Государственным и Кооперативным организациям

МЕДИКАМЕНТЫ,

ДЕЗИНФЕКЦИОННЫЕ СРЕДСТВА,

ВЕТЕРИНАРНО-ХИРУРГИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ.

ПРЕЙС-КУРАНТЫ ПО ТРЕБОВАНИЮ.

Рабочие, крестьяне, красноармейцы, молодежь
Граждане Союза Советских Социалистических
Республик

МЫ СТАВИМ ПЕРЕД ВАМИ ВОПРОС
ИЗУЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО
ЯЗЫКА
ЭСПЕРАНТО.

Казанский отдел союза эсперантистов советских стран приступает к изданию учебного пособия под названием:

ЭСПЕРАНТО НА ДОМУ

„ГАЗЕТА—САМОУЧИТЕЛЬ“

НОВЫЙ МЕТОДИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА.

Под редакцией Шалавина, Фрамка, Смирнова и Лидина.
Ответ. редактор Лидин.

12 №№-пов.—72 уроков.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА 5 р. за весь курс.

льготные условия подписки:

Для красноармейцев. 1 р. 15 к. || Для рабоч. и крестьян. 2 р. 50 к.
Для учащихся 2 р. 15 к. || Для служащих 3 р. — к.
Льготная подписка производится через фабзавуча, комслужбы и т. д.
Кроме того, допускается рассрочка для красноармейцев, учащихся, рабочих, крестьян и служащих:
При подписке вносится 50 проц. подписной платы и через месяц следующие 50 проц.

ПРОСПЕКТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ за 10 коп.

АДРЕС редакции и конторы „ГАЗЕТЫ САМОУЧИТЕЛЬ—ЭСПЕРАНТО НА ДОМУ“. Казань, Чернышевская, 8.

ГДЕ Покупать книги по юношескому
и детскому движению?

КОНЕЧНО, В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

при Ц. К. Р. Л. К. С. М.

КОМСОМОЛЬСКИМ, ПАРТИЙНЫМ, ПИОНЕРСКИМ,
ПРОФСОЮЗНЫМ И ПРОЧИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ,
□ □ □ ШКОЛАМ И БИБЛИОТЕКАМ. □ □ □

СКИДКА!

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ

В ТОРГОВЫЙ ОТДЕЛ:

МОСКВА, Старая площадь, 10 и в магазины Издательства;
МОСКВА, Неглинный проезд, 8.
ЛЕНИНГРАД.—Проспект 25 октября.

СЛУШАЙ!

ЗАПОМНИ!

СМЕНА

ВНОВЬ

УДЕШЕВЛЕНА.

ОТДЕЛЬНЫЙ

НОМЕР

СТОИТ

ВМЕСТО

40—30 к.

СПЕШИ!

ПОДПИСЫВАЙСЯ!

ВЕРБУЙ

ПОДПИСЧИКОВ

СРЕДИ СВОИХ

ТОВАРИЩЕЙ!

ГЛАВНАЯ КОМПЬЮТЕР СМЕНИ
МОСКВА, СТАРАЯ ПЛОЩАДЬ

10/4

